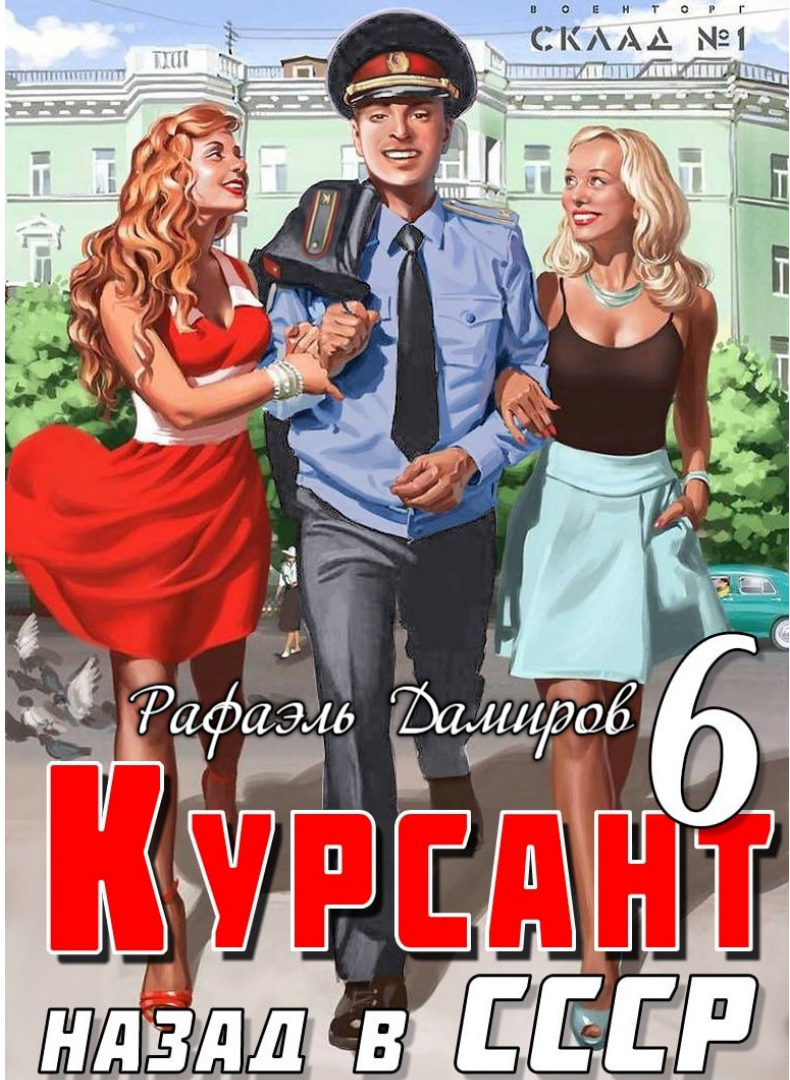

ВОЕНТОРГ

СКЛАД №1

Рафаэль Дамиров

6

КУРСАНТ

НАЗАД В СССР

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР 6
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 6

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70035298
Рафаэль Дамиров. :

Аннотация

Попаданец Андрей Петров в начале 80-х в СССР!
Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рафаэль Дамиров

Курсант: назад в СССР 6

Глава 1

– Ты это про кого? – Катков, выхватил у меня бумажки и стал читать. – Ого... Да тут столько всего... Нелегальное казино. Махинации с рестораном. Куча каких-то фамилий. Клиенты казино, вроде. Целый список. Судя по должностям, люди уважаемые в городе. Ого, даже зампреда исполкома есть. И завотделением хирургии Мытько.

– Мытько уже давно не завотделения, – хмыкнул я. – Дубов его по старой памяти так вписал. Или давно уже собирал компромат.

– Это все в Новоульяновске происходит? Кошмар... Куда милиция смотрит? И за всем этим стоит... Хм... Странное имя. Гоша Индия. Почему Индия? Из-за этого конверта он убил Дубова?

– Похоже на то, – я плюхнулся на стул, обхватив голову руками.

Тысяча мыслей промелькнула в голове за пару секунд. Теперь почему-то мне не хотелось ловить убийцу Дубова. Внутри пустота, руки опустились. Но я должен довести начатое до конца. Сейчас я прежде всего мент, а потом чело-

век... Черт... Правильно ли это?

– Поехали, – я решительно встал, взял конверт у Каткова и вышел из кабинета Дубова.

В коридоре столкнулся с хозяйкой квартиры, про которую за всеми этими удивительными находками успел как будто подзабыть. Та уже была без огурцов на лице, вместо этого измазала щеки и нос чем-то белым с запахом ромашки. Заканчивала, как она это назвала, с лицом.

– Елена Васильевна, – сказал я на ходу, – спасибо, мы закончили.

– Как уже? – удивилась та и засеменила за нами, чуть не запнувшись о жирного кота, что норовил вновь потереться о ногу. – Надеюсь, больше меня не побеспокоят?

Мол, если мы так быстро уходим, то обязательно вернемся. Но с таким громким и непростым делом, как убийство зампрокурора в провинциальном городке, ничего нельзя гарантировать.

– Тоже надеюсь, но не обещаю. Постараемся не нарушать ваш траур по супругу. А музыку бы выключили. Уж очень она веселая какая-то. Неправильно это. Девять дней еще не прошло...

Я быстрым шагом направился к выходу, расслышав, как вдова что-то недовольно бурчала в догонку.

До УВД ехал как в тумане.

– Осторожно! – крикнул Катков. – Нам же красный!

Я нажал на тормоз. Шины взвизгнули, я подался вперед,

клюнув носом. Вовремя. Чуть не протаранил поперечный «Запорожец», что испуганно выскочил прямо у меня из-под колес.

– О боже! Андрей! – Катков вцепился в панель приборов обеими руками. – Смотри на дорогу! Что с тобой? Это все из-за конверта?

– Все нормально, Леха, – тихо проговорил я, играя желваками. – Прорвемся. Вор должен сидеть в тюрьме... Пусть даже я его уважал...

– Это, конечно, не мое дело, но почему ты так печешься из-за этого бандита?

– Сам не пойму, Алексей. Как бы тебе сказать? Мужик он правильный, что ли... Был.

Дальше доехали без происшествий. Машину остановил возле крыльца, между канареечным «Уралом» с коляской и таким же расписным «бобиком», посидел несколько секунд, размышляя. Повернулся к Каткову:

– Слушай, давай не будем говорить пока Горохову про конверт.

– Это почему? – опешил Алексей. – Важное обстоятельство. Там столько компромата на этого Гошу собрано. И то, что ресторан он к рукам прибрал, и про катран его подпольный. Все так подробненько изложено.

Я немного помолчал.

– А еще там написано, если ты заметил, что крышует Гошу контора. В агентурных целях, так сказать.

– Этот Гоша работает на КГБ? – еще сильнее озадачился Катков.

– Нет... Но в его заведениях много интересных для конторы клиентов крутится. Сразу в одном месте и фарцовщики, и валютчики, и номенклатурщики, и прочие проворовавшиеся функционеры собираются. Представляешь, как удобно? Держать всех под колпаком сразу...

– И что? Ты переживаешь за их агентурные связи? Не пойму...

– Фактически, это письмо может подлить масло в огонь. МВД с конторой сейчас и так в контрах. Если эта информация попадет в руки Щелокову, он попытается использовать ее в своем крестовом походе. Не для наведения порядка во все. Я бы не хотел все усугублять. Одно дело все-таки делаем.

– Ну не знаю... – неуверенно пробормотал Алексей, покрутив пуговку на рубашке. – А как же мы Гошу тогда возьмем? Других доказательств нет, что он Дубова убил.

– Так это тоже не доказательство. Так. Косвенная улика. А с Гошей я сам разберусь... Обещаю. Он ответит за убийство по полной.

– Как скажешь, Андрей, – вздохнул Катков. – А что же тогда мы Горохову скажем?

– Увидишь... То, что Дубов под Гошу копал, я не стану скрывать. Это ведь мотив.

Мы тем временем зашли в здание и поднялись в восьмой

кабинет.

– Вы уже? – удивился Горохов, отхлебывая чай из граненой посуды в серебристом подстаканнике. – Нашли что-нибудь?

– Нет, но вдова Дубова сообщила нам очень интересную подробность. Оказывается, ее супруг намеревался прикрыть незаконный бизнес Гоши Индия.

– Это местный авторитет который? – Горохов хотел ещё отхлебнуть чай, но рука его застыла со стаканом на полпути.

– Он самый. Глеб Львович собирал на него компромат, который собирался передать руководству МВД СССР.

– МВД? – следователь вскинул на меня бровь. – А почему не в генеральную прокуратуру?

– Потому что Гошин бизнес находится под прикрытием КГБ. Я вам как-то рассказывал уже. Вы сами знаете, что прокуратура не будет лезть в такие дела. Руденко с Андроповым на короткой ноге. А вот товарищ Щелоков на смежную структуру уже давно зуб точит.

– Ясно, и ты думаешь, что...

– Есть вероятность, что Дубова убил Гоша. Не сам, конечно, лично. Но его подручные.

– Вот это поворот! – Горохов отставил недопитый стакан и энергично растер виски. – Но ты же понимаешь, Андрей, что если бы мы даже нашли этот самый компромат, этого совсем недостаточно, чтобы прижучить Гошу. Ну, собирал Дубов бумажки против бандита, ну и что такого? Работа у

него такая. Прямых улик нет.

– Понимаю, поэтому Гошу брать пока рано. Нужны еще доказательства...

– Так... – Горохов задумался. – Я переговорю с начальником областного УВД. Пусть организует наружку за Гошей... И нужно найти еще свидетелей, кто общался с Дубовым перед смертью.

– Наружка ничего не даст, – пожал я плечами. – У Гоши маршрут один. Дом – ресторан – дом. Он даже в катране не появляется.

Никита Егорович кивнул, даже не удивляясь, что я про Гошу столько знаю. Я многим с ним делился ещё тогда, при поиске душеителя.

– Тогда роем землю, кровь из носа нам нужна еще доказуха. А что если местные оперативники отработают Гошино окружение боем, так сказать. Хлопнут их об нары. Наверняка их есть за что прижать... В крайнем случае, по подозрению в каком-нибудь надуманном грабеже можно задержать. Если что, потом отпустим, мол, ошибочка вышла.

Горохов прям меня удивил, ярый законник теперь готов был не побрезговать мерами не совсем законными. Фраза «цель оправдывает средства» для него становилась все ближе.

– Не получится, – замотал я головой. – Пока милиция не трогает их, потому что есть негласное соглашение с конторой. Вряд ли местные пойдут на его нарушение.

– Ты прав, Андрей Григорьевич. Нам нужно что-то такое, что прямо укажет на Гошу. Только тогда камень с места сдвинется... Есть мысли?

– Пока нет, но будут.

Голос мой звучал уверенно.

* * *

Вечер. Зал ресторана «Октябрь».

– Я вас провожу, – суетливый официант, кивая головой как китайский болванчик, попытался протиснуться вперед меня.

– Не надо, – я бесцеремонно отстранил его рукой. – я знаю, куда идти.

Лавируя между столиков с праздными посетителями, что беззаботно потягивали вино под легкий джаз, доносившийся со сцены, я направлялся к единственному в зале диванчику.

На нем, закинув ногу на ногу, на обивке из черной, уже потертой кожи восседал Гоша. Рядом два мордоворота. Стоят как истуканы, даже глаза у них не мигают. Гоша как всегда элегантен. Почти при параде. Пиджак, отделанный змеиной кожей, отливал серым хищным блеском. Видный пиджачок такой.

– Ого! – завидев меня, Гоша встал навстречу. – Привет, Курсант, – он протянул руку.

Я сухо пожал ее в ответ.

– Можно? – кивнул я на диван.

– Конечно, садись, что выпьешь? Вино? Коньяк? Или, быть может, шампанского, если повод какой.

– Водка есть?...

– Конечно, – Гоша удивленно махнул официанту, который все-таки на всякий случай увязался за мной, и теперь стоял и поглядывал на нас из-за колонны. Знал, что с приходом нового гостя его услуги обязательно понадобятся. – Случилось чего?

– Дубова убили... – добавив твердости в голос, проговорил я.

– В курсе, – кивнул Гоша. – Поэтому ты снова в Новоульяновске?

– Скажи, в последнее время он часто захаживал к тебе в катран? – вопросом на вопрос ответил я.

Гоша нахмурился:

– Было дело. Глеб Львович мужик правильный, но азартен слишком. Не всегда мог вовремя остановиться. А что?

Я и сам видел его за игрой, случалось.

– Да так, ничего. Связи его отрабатываем. Знакомых, друзей. С кем он общался в твоём заведении?

– А хрен его знает, – Гоша пожал плечами. – Я же сам там не бываю. Если хочешь, наведайся. Поспрашивай народ, только аккуратненько. Я все организую.

Я смотрел на Гошу. У него не дрогнула ни одна жилка. Голос ровный, спокойный. Даже помощь мне свою предло-

жил в расследовании убийства. Вот гад...

– Обязательно схожу, – кивнул я, а затем неожиданно спросил. – Сколько он тебе задолжал?

– Хм-м... – Гоша удивленно вскинул на меня бровь. – Ты и про это уже разузнал? Шустрый. Не растерял хватки на столичных харчах.

– Так сколько?

– Это были наши с ним личные дела, Курсант...

– Давай не для протокола. По старой дружбе, так сказать.

– Чуть больше трех тысяч.

– Рублей?

– А чего же еще? – ухмыльнулся Гоша.

Черт... Мои догадки подтвердились. Дубов проиграл Гоше крупную сумму и после этого решил слить кредитора. Собирал на него компромат, чтобы избавиться от долгов и от мафиозника одним махом. Получается, что у Гоши были очень веские причины его убить.

– Ты, наверное, расстроен, что его убили? – я внимательно смотрел за реакцией Гоши.

– Почему? Другом я его никак не могу назвать. Он был моим клиентом, не более. Уважаемым клиентом. Но по каждому убиваться я не стану.

– Как почему? Теперь некому вернуть тебе такой крупный долг.

Гоша улыбнулся одним уголком рта, будто сдерживал ухмылку:

– Не обеднею. Давай с тобой лучше выпьем.

Он плеснул мне полную стопку, поднял свою с коньяком, но я залпом опустошил свою, не дав ему возможности чокнуться со мной. Закусил горячей котлетой по-киевски, которую уже приволок официант.

– Ладно, – я встал, еще не закончив жевать. – Мне пора. Увидимся...

– Ты что? – Гоша вскинул бровь, – даже не посидишь со мной? Уже уходишь?

– Работа...

– Ночь на дворе, какая работа? А чего приходил тогда?

– Я думаю, ты знаешь, зачем я приходил, – я развернулся и пошел прочь, кивнув напоследок. – Увидимся.

– Бывай, Курсант. Странный ты сегодня...

Я вышел из ресторана с тяжелыми мыслями. Теперь несколько не сомневаясь, что убийство Дубова – дело рук Гоши. Я прокрутил в памяти последние события и вспомнил, что сосед Печенкина по гаражу рассказывал, что перед смертью алкашик ему поведал о некоем мужчине, что предъявлял ему за карточный долг. На мужчине был пиджак со змеиными карманами. Все тогда сочли это сказками, бахвальством по пьяни. Совпадение? Много ли таких пиджаков в Новоульяновске? Думаю, что лишь один. Черт... Неужели и алкашика Гоша прирезал? Но зачем? Слишком мелко для него, да и не стал бы он марать руки сам. Или все-таки стал бы? Тогда, выходит, я его недостаточно хорошо знаю? Да и не

должен я его хорошо знать, к чему обманываться.

Может, ему доставляет удовольствие самому разбираться со своими должниками. Тогда все сходится. Твою мать... Голова кругом. А водка хорошая. Немного расслабила...

Я вышел на крыльцо ресторана. Ко мне подошли двое. Одеты неброско, но ладно. Морды вроде бы приветливые, но в глазах холодок:

– Закурить не будет?

Я огляделся. Улица опустела. Фонари лениво отбрасывали тусклый свет на тротуарчик перед гостиницей. Рука невольно потянулась к поясу, где обычно висела кобура. Но сейчас там пусто.

– Не курю, – буркнул я, примериваясь выбросить двоечку в морду ближайшего.

Второго сразу ногой надо бить, пока нож не успел вытащить.

– Извините, – улыбнулся тот, и двое прошли дальше.

Бл*ха... Нервы что-то сдают. Чуть людей не покалечил...

* * *

Полдень следующего дня. УВД города Новоульяновска.

– Зачем вы сбежали от сотрудников милиции? – Горохов сверлил взглядом хрупкую фигуру, вжавшуюся в стул.

– Я не знаю, – всхлипывала беглянка Лида.

Ее накануне вечером задержал Погодин, пряталась она у

своей сестры. Ума не хватило укрыться получше.

– Я испугалась, что меня посадят. Испугалась.

– Если вы не виноваты, то вам нечего бояться, – Горохов незаметно кивнул Свете.

Та, приняв знак, встала и подошла к задержанной:

– Успокойтесь, Лида. Мы все хотим только одного, чтобы убийца Глеба Львовича понес наказание по заслугам. А сейчас мы с вами побеседуем.

Лида затравленно подняла глаза. После ночи, проведенной в КПЗ, она казалась совсем сломленной.

– Наедине поговорим, – Света многозначительно обвела нас всех взглядом.

Мы все поняли и вышли из кабинета. Минут сорок слонялись по коридору УВД. Следователь уже даже ворчать начал, что, мол, Светлана Валерьевна хватку теряет, раньше ей хватало и двадцати минут с задержанными побеседовать, чтобы те признались во всем.

Наконец, дверь распахнулась, и на пороге появилась Света. Она вышла в коридор и, прикрыв за собой дверь, потихоньку проговорила, собрав нас в кружок.

– Личность она неоднозначная. Психика неустойчива. Морально-нравственные ориентиры хоть и четкие, но присущ циклотимный тип акцентуации характера.

– А по-русски, Светлана Валерьевна? – поморщился Горохов. – Я эти ваши научные ругательства не понимаю.

– Да, простите, мне так легче думать. Другими словами,

сегодня она один человек, жизнерадостный и веселый, а завтра или через месяц, или через час даже – совсем другой. Депрессивный и злой. Причем смена настроения происходит без всяких видимых причин.

– Она что? – округлил глаза Катков. – Ненормальная? Ее в дурку надо.

– В психиатрии такой тип акцентуации не является отклонением, – задумчиво проговорила Ожегова. – Но это осложняет мне работу...

– Вы просто скажите, Светлана Валерьевна, – запыхтел Горохов. – Могла она в силу своих этих самых сдвигов убить Дубова.

– Теоретически могла, но не факт...

– Вот обрадовали, – Никита Егорович поскреб макушку и ослабил галстук. Хотел вытереть им лоб, но вовремя опомнился и выпустил его из рук. – А нам-то что прикажете делать? Отпускать?

– Пока да, – кивнула Света. – Тем более, оснований держать ее нет, не так ли?

– Да я и без вас это знаю, – вздохнул Горохов. – Отпустим. Под подписку о невыезде. Кстати, по обыску, что в ее квартире?

Это уже адресовалось мне.

– Я же вам говорил, Никита Егорович, утром еще провели. Ничего интересного. Ножи все с кухни изъяли. На экспертизе у Каткова сейчас.

– Алексей, – Горохов недовольно повернулся к криминалисту. – А ты чего молчишь? Ничего не хочешь мне рассказать?

– А что я? – попятился Катков. – Жду вашего постановления о назначении экспертизы. Без документа вскрывать упаковки не имею право.

– Тьфу ты! – Горохов даже отвернулся, будто и вправду собирался плюнуть на пол. – Откуда же ты такой правильный, Алеша? Мухой в лабораторию и сличай клинки ножей с повреждениями на одежде Дубова.

– У вас научился быть правильным, – оправдывался Катков. – А постановление-то будет?

– Иди уже! – замахнулся Горохов, грозя кулаком.

– Понял, не будет, пошел исследование проводить.

– Только ты там тщательно все посмотри, Алеша.

– Это конечно, Никита Егорович, но вы на результаты слишком надежд не возлагайте. Там только по общим признакам сравнивать можно клинки с повреждениями. Даже если совпадут, таких ножей уйма, что под совпадения подойдут. Да признаки неточные, плюс-минус километр, потому и называются – общие.

– Брысь!

Катков умчался в криминалистический отдел. А Горохов тихо меня спросил:

– Чего он там задвигал про километр? Что-то я не совсем понял, Андрей.

– Он имел в виду, что, максимум, вывод по экспертизе будет такого плана: дескать, нанесение повреждений одним из представленных на экспертизу ножом не исключается.

– Так себе вывод, – поморщился следователь.

– Согласен, – кивнул я. – Но современная трасология, пока на большее не способна...

Я прикусил язык, пока не сказал чего-нибудь про будущее.

– А эта кукушка, – Горохов кивнул на дверь. – Пусть пока в кабинете посидит. Пока Катков дырки с ножами сличает. А там посмотрим. Отпустить всегда успеется...

Глава 2

Спустя пару часов вернулся Катков сообщить результаты исследований. Вид важный, будто научное открытие сделал, вылитый Циолковский, только седой бороды не хватает и пенсне.

– Ну что? – первым не выдержал Горохов. – Есть совпадения? Заключение где?

– Какое заключение, Никита Егорович? – заморгал Катков, потеряв на миг степенность. – Я же вам не типография. Его еще напечатать нужно, оформить как следует, фотографии сделать, такое быстро не изготовишь. Но предварительно я уже все исследовал. На словах расскажу.

– Валяй, – потирал руки следователь.

– Один из четырех ножей, что изъяли у Лиды, подходит по размерным характеристикам к оружию убийства.

– Етить-колотить... – Горохов забарабанил пальцами по столу. – Прошу прощения, товарищи. Это что получается? Лида могла Дубова пришить?

– Не обязательно, под такие параметры подходит примерно каждый десятый хозяйственный нож.

– Один из десяти – тоже улика. Не бог весть какая, но все же... Крови на ноже, конечно же, нет?

– Чист, как слеза, – ответил Катков.

– Так-с... А что с Лидой будем делать? – этот вопрос уже

адресовался мне.

– Отпускать, – заявил я. – Скорее всего, нож совпал случайно, вы это сами понимаете. Не думаю, что Лида взяла бы обратно на свою кухню нож, которым убила любимого человека. Хотя всякое бывает...

– Ладно, – Горохов взял трубку. – Позвоню, скажу, чтобы выпускали.

– Подождите, – Катков многозначительно поднял палец вверх, – это еще не все.

– Ё-моё, Алексей, – поморщившись, Горохов положил трубку на аппарат, в этот раз без грохота, на радость Каткова. – Говори уже сразу все. Кто тебя так докладывать учил?

– Это не доклад, – набивал себе цену Алексей. – Это я вам сообщаю предварительные результаты исследований. Их нельзя так просто вываливать. Обстоятельно надо, вдумчиво излагать.

– Ну, давай уже, глаголь скорее вдумчиво, а то я тебе обстоятельно сейчас выговор влеплю, будешь знать, как умничать.

– На том ноже, что подходит по характеристикам, – затараторил Алеша, – рукоять деревянная с дефектом оказалась. Отщеп древесины имеется. Остренький такой и цепляется за все. Так в этом отщепе волокна текстильные застряли. Волоски микроскопические... Я даже их не сразу заметил. Темно-синего цвета шерстинки. Я химикам их Паутовским отдал. Они проверили. Сказали, что волокна натураль-

ные, животного происхождения.

– И что?

– А то, что Дубов погиб в костюме синего цвета, из шерсти.

– Ого, – присвистнул Горохов. – Это что получается? Теперь, кроме Гоши, у нас еще и Лида подозреваемая? Это точно волокна от костюма Дубова?

– Не точно, конечно, – скривился Катков, будто разговаривал с несмышлёнышем, – Я же говорю, что и там, и там шерсть. Цвет синий. Теоретически, происхождение волокон от другого источника не исключается. Мало, что ли, у нас шерстяных синих тканей в обиходе?

– Немало, – задумчиво пробормотал Горохов, старательно обгрызая кончик химического карандаша. – Но и не много... А Лиду все равно придется пока выпустить.

– Как – выпустить? – возмутился уже Погодин. – Все же сходится. Неуравновешенная, злилась на потерпевшего за то, что тот не хотел уходить от жены – мотив есть. Плюс нож подходит и волокна на нем имеются соответствующие. А ножевые на теле убитого – неумелые, вкривь и вкось. Будто женщина колола.

– Это все, Федор Сергеевич, улики косвенные, – Горохов отплевывался от кусочков карандаша, губы покрасились в синий цвет, переборщил он в задумчивости, – Прокурор нам санкцию на арест не даст. Сам посуди. Активистка, комсомолка, не судима, прописка и работа имеются, репутация не

запятнана. Грамоты и медальки за участие в общественных спортивных забегах есть. Не сможем мы обосновать ее задержание... Тут что-то более весомое нужно найти. Работайте, товарищи. У нас уже два подозреваемых с железными мотивами, а доказательств крот наплакал.

– А если Лида опять в бега ударится? – не унимался Погодин.

Тогда мы будем знать, что это точно она. И снова будем ее ловить. Что ж делать, работа у нас такая.

Дверь кабинета неожиданно распахнулась без стука. Мы удивленно обернулись. Обычно так никто не позволял себе вторгаться в восьмой кабинет московской спецгруппы.

Вошел дородный майор. Пузо набекрень, взгляд лихой, чуть с придурью, но в глубине хитринка сквозит или подлянка, сразу не поймешь.

– Здравствуйте, товарищи, – начальник участковых Сафонов Валерий Игоревич фальшиво улыбнулся. – Как продвигается расследование?

– Это вас не касается, товарищ майор, – сухо ответил Горохов. – Занимайтесь своей профилактикой, ловите пьяниц, самогонщиков и прочий несознательный элемент, а мы как-нибудь без вас разберемся.

– Ошибаетесь, Никита Егорович, – взгляд Сафонова из беспечно-придурковатого стал желчным и пронзительным, как у Кощея (так я и знал, что притворяется, под дурачка косит, на самом деле майор далеко не глуп), – очень даже

касается. Я с сегодняшнего дня исполняю обязанности начальника УВД.

– Как? – удивился Горохов, – а Павел Гаврилович куда подевался?

– На заслуженный отдых оформляется. Отработал свое...

– А что, кандидатуры получше на должность начальника не нашлось? – спросил я. – Управление большое, какие-то трудности возникли с кандидатами? Раз вас поставили.

– Ты мне позубоскаль, Петров, – дернулся вновь испеченный начальник.

– А то что... – ухмыльнулся я.

Сафонов не нашелся, что ответить и громко фыркнул, сто раз пожалев, что я не его подчиненный.

– Я что пришел-то... – продолжал он с ехидством. – Учитывая, что вы работаете на подведомственной мне территории и дислоцируетесь непосредственно в здании УВД, я вас попрошу каждое утро докладывать мне, как продвигается расследование по убийству Дубова.

– А тебе зачем это, майор? – глаза Горохова превратились в щелочки.

– Как руководитель территориального органа я должен быть в курсе. Тем более, мне в область докладывать.

– А-а... Ну, если в область докладывать, тогда конечно, – закивал Горохов. – Вам, Валерий Игоревич, в письменном виде отчет предоставлять или можно в телефонном режиме докладывать?

– В письменном – это лишнее. Я попрошу присутствовать кого-то из ваших сотрудников у меня на утренней планерке.

– Так мы все можем ходить к вам на планерку, – продолжал глумиться Горохов. – Нам же делать-то больше нечего, а так, глядишь, научимся у вас воду переливать.

– Какую воду? – не понял Сафонов.

– Из пустого в порожнее, – Горохов старался говорить с серьезным видом.

– Я не понял, – взвизгнул Сафонов. – Вы меня за дурака держите?

– Ну что вы, Валерий Игоревич, вас никто не держит, вы сами такой...

– Я на вас рапорт напишу!

– Ты ничего не попутал, майор? – Горохов говорил тихо, но зло, будто змея шипела. – Я отчитываюсь только перед Москвой. Засунь свои планерки себе поглубже. А теперь иди уже, не мешай работать.

Сафонов налился пунцом, хватал ртом воздух, беззвучно, будто карась на льду. Помахал руками и пулей выскочил из кабинета, напоследок хлопнув дверью.

– Побежал рапорта строчить, – усмехнулся Погодин. – Он это дело любит.

– Может, зря мы так с ним? – вздохнул Катков. – Теперь, чувствую, пакостить будет. Я бы мог на планерки походить. Мне не сложно.

– Алеша, ты когда отрастишь как у мужика... – Горохов

вовремя осекся, поймав на себе осуждающий взгляд Светы. – Таких как Сафонов сразу ставить на место надо... Одного я не пойму. Как его на такую должность назначили. Клоун ведь.

– Вроде клоун, а свою линию гнет, – поведал Погодин. – Раньше его всерьез никто не воспринимал. Ходил, фокусы показывал, то ложку ко лбу прилепит, смотрите, мол, не падает, то на гармошке сыграет. Рубаха-парень. Но не просто так он все это делал. Всякую проверку из области умел развлечь, а при случае настучать им не брезговал. Вот и продвинулся по службе. Поговаривают, что и начальника УВД он подселел. У того пасека есть своя, он для работы суточников привлекал. А Сафонов нашел потом этих суточников после отсидки и уговорил их в прокуратуру написать, мол, превысил начальник управления должностные полномочия. На незаконные работы их привлекал. Дело, вроде, замяли, но начальнику УВД предложили уйти по-тихому на пенсию. А Сафонова временно исполнять обязанности назначили. Но никто уже не сомневается, что его скоро утвердят на постоянку. Это для своих он человек-какашка, а для вышестоящего начальства – умелый и прогрессивный руководитель, и пашет не покладая рук, потому планерки и совещания разные аж два раза в день проводит.

Мы с Гороховым вздохнули. Повидали на своем веку таких начальников.

– И что там он все планирует?

– Участковые рассказывали, что дураковки эти проходят обычно по одному сценарию. Сафонов выбирает жертву с самыми низкими показателями и начинает над ней прилюдно глумиться, заручаясь хихикающей поддержкой подхалимов. На маты и угрозы изгнать в народное хозяйство не скупится. Вот и все планирование. И так каждый день.

Я удивился, насколько точно Федя описал большинство планерок, что процветают в системе МВД. Что в этом времени, что в моем, основная масса таких заседаний далека от той романтики, что показывали широкому зрителю в «Улицах разбитых фонарей» и «Операх».

– Ясно, – кивнул Горохов. – Вот из-за таких самодуров и происходит текучка кадров в системе. Опытные спецы уходят, а подхалимы и стукачи приживаются. Надеюсь, в будущем хоть что-то изменится.

Если бы знал Никита Егорович, насколько его надежды не оправдаются. Но об этом я благоразумно промолчал. Впереди еще несколько реформ МВД, ни одна из которых не принесет желаемого результата. Уже самому хочется вмешаться в ход истории. Но, к сожалению, пока что я всего лишь рядовой... Ничего, какие мои годы.

* * *

– Итак, товарищи, – начал утреннюю планерку Горохов со своей фирменной фразы. – Я попрошу сосредоточиться на

работе. Особенно это вас, Светлана Валерьевна, касается.

Мы с удивлением уставились на шефа, а Света недоуменно приподняла брови:

– Что такое, Никита Егорович? От службы я никогда не отлыниваю, вы это прекрасно знаете.

– Это да, только я вас попрошу шуры-муры на рабочем месте не разводить.

В воздухе застыл немой вопрос, мы недоуменно переглянулись, а Катков почему-то покраснел.

Выдержав интригу, Горохов демонстративно достал откуда-то из-под стола букет гвоздик и протянул его психологи-не:

– Это вам.

– Мне? – та рефлексивно протянула руки, чтобы взять цветы, но, опомнившись, отдернула их. – По какому поводу?

Катков покраснел еще больше и к тому же засопел. Все-таки к Свете дышит он совсем неровно, а тут шеф еще цветы дарит прекрасному объекту его воздыханий.

– Тьфу, блин, – Горохов замахал руками, будто мух отгонял, – Вы что подумали, товарищи? Да не от меня букет, это вам передали...

– Кто передал? – Света хлопала глазами, как школьница, напрочь забыв применять в столь щекотливом диалоге свои психологические приемчики.

– А это я у вас хотел спросить.

– Если честно, понятия не имею. Кто вам его принес?

– Не знаю и знать не хочу, – назидательно проговорил следователь. – Заявился тут один с утра пораньше милиционер в форме, просил вам букет передать. Я ему сказал, что если ему надо, то сам пусть кому хочет передает, я не почта. Но он букет на столе бросил и смылся. Я хотел вдогонку ему их швырнуть, но жалко цветы стало. Тут столько их, дорогой букетик получается. Может, вы этого от него и ждали.

Тут уже я начал краснеть почему-то. Что там за ухажер у Светы нарисовался? Ноги бы ему выдернуть...

– Правда, Никита Егорович, – Света прижала руки к груди. – Я не знаю, кто бы это мог быть...

– Хорошо, – смягчился следователь, – верю... Но когда он вам откроется, вы уж с ним поговорите, чтобы не превращал наш рабочий кабинет в цветочную лавку.

– Обязательно поговорю, Никита Егорович. Еще бы знать, с кем...

– Думаю, вы скоро о нем узнаете, – заверил Горохов, – впустую такие букеты дарить никто не будет. Вы девушка видная, образованная, костюм носите, вот местные аборигены на вас и западать стали.

– Так мне что, в халате на работу приходить? Вы меня попрекаете моими достоинствами?

– Ну что вы, Светлана Валерьевна, я просто констатирую факты. Но если вы не в курсе, кто ваш воздыхатель, то вины вашей и вовсе нет. Даже наоборот, было бы странно, если бы к вам никто попопзновений не проявлял. Так что пока меня

извините, а на будущее посмотрим, – Горохов замолчал, пошуршал бумажками и продолжил: – О работе надо думать, товарищи. Самолеты, так сказать, на первом месте... Есть подвижки по делу? Молчите? Плохо, товарищи, плохо.

– Никита Егорович, – я взял слово. – Мы отработали почти все окружение Дубова, – зацепок нет... Но тут выяснилось, что Глеб Львович частенько ездил на дачу.

– У него была дача? – Горохов аж привстал со стула. – В материалах дела ничего об этом не сказано.

– Потому что дача его покойных родителей. Недавно к нему перешла. Даже жена не знала, что Глеб Львович там бывал. Она оказалась противницей огородов, грядок и прочих пугал.

– А ездил туда Дубов, дай угадаю, с Лидой?

– С ней самой, мы пока за ней наблюдаем... Опросили в химчистке ее коллег. Одна из них проболталась, что Лида ей рассказывала, как со своим женатым ухажером на даче отдыхала. У Лиды дачи нет. Копнул глубже и выяснил, что есть семейных Дубовских шесть соток за городом.

– Далеко?

– Не очень. Километров двадцать. Дачный поселок «Березовая роща». Вот думаю с Погодиным туда наведаться.

Горохов почесал складки бритого затылка, чуть поразмыслил и сказал:

– Мы с Тamarой ходим парой? Что там вам вдвоем делать?

– Людей поспрашиваем, подворовый обход сделаем. Ну и

изнутри домик посмотрим, может, найдем чего.

– А ключ-то у вас есть?

– Ключа не нашли, у вдовы тоже его нет, но смекалку проявим.

– Давай, только, чтобы смекалка эта боком потом не вылезла. Если что нароешь, вернемся уже и официальным осмотром зафиксируем, а пока это получится как проникновение. Нехорошо как-то...

– Проникновение – это когда хозяева у помещения есть, – возразил я. – А тут дача получается, по факту, бесхозная теперь. Вдова Дубова право пользования на себя не оформила.

– Согласен, – кивнул Горохов, – но все равно аккуратней. И Светлану Валерьевну с собой возьми. Раз уж с людьми будешь беседовать, там бабушек много, скорее всего. Тебе с ними общий язык сложнее будет найти. Ты, Андрей Григорьевич, слишком прямой, как я в молодости.

Я мысленно согласился с Гороховым, только не совсем точно он выразился про молодость. Ведь он и сейчас такой же твердолобый, как и в дни своей юности. А я уже давно не молодой (по крайней мере, если календарно считать), только прямолинейность из себя до сих пор не изжил, хотя понимаю, хитрожопым проще живется.

– Отправляйтесь прямо сейчас, – приказал Горохов, отпирая массивную скрипучую дверцу насыпного сейфа. – На бензин денег выдам.

– Хорошо, – я встал со стула. – Только заскочим пере-

одеться, — кивнул я на свои брюки и на Свету в элегантном летнем костюмчике. — На каблуках несподручно по огородам лазить.

Мы со Светой вышли из кабинета. На спине я почувствовал обжигающий взгляд Каткова.

Глава 3

До дачного поселка «Березовая роща» добрались минут за сорок. Света облачилась в облегающий спортивный костюм небесного цвета, явно импортного пошиба, который оказался слишком хорош для аграрных мест, так что за своих мы явно не сойдем.

Разнокалиберные домики, сложенные из того, что удалось купить по дешевке или стырить (из шпал и кирпича, из старого бруса или просто из досок), усыпали утопающую в зелени долину.

Волга еле протиснулась по узкой улочке под названием «Сливовая». По стальным бокам скребли выбивающиеся из щелей забора коварные стебли малины, отдавая болью и в моем сердце.

– Почему тут такие улицы? – Света с удивлением смотрела в окно. – Неужели нельзя было нормальные сделать? Вдвоем уже не разминутся.

– Потому что по шесть соток участки выделяют в одни руки, – ответил я. – Каждому ведь хочется хоть чуть-чуть урвать государственной землицы и расширить усадьбу, вот и стиснули заборчики дорогу до ширины тропинки.

Дело, на самом деле, обычное, но вот Светлану это здорово удивляло. Как людей из моей прошлой жизни удивляли хрущевские «холодильники» и нарисованные прямо на но-

гах «стрелки» колгот.

– Я представляла себе дачу по-другому... Особняк с террасой, мощеные дорожки. Такую, как мы с родителями ездим к знакомым отдыхать.

– Это ты про правительственные и про партийные дачи говоришь, а простой народ особняков не возводит. Скворечник, скорее, в лучшем случае – конуру. И то – при определенном везении и старании. А вот и наш домик.

Я остановился возле строения. Краской на углу кривенько начертано: «Сливовая 13».

– Приехали, это дача Дубова.

Дом с чуть облупившимися наличниками и маленькими, будто игрушечными, оконцами ничем не отличался от соседствующих собратьев. Только вид у дома грустный, одиноко ему без хозяина.

Мы бросили машину, естественно, перегородив улицу. Я открыл калитку, что запиралась на деревянную, отполированную временем вертушку, и вошел на участок.

– А вы кто такие? – откуда-то сбоку раздался возглас с пенсионерской дотошностью и хрипотцой.

Из-за жиденького забора, что отделял соседний участок, торчала неприветливая голова в пилотке из газеты. Голова пошевелила пышными белесыми усами, что свисали на морщинистые щеки, словно виноградные плети.

– Нет там никого! – продолжила морда хмуриться и буравить нас недоверчивыми глазками.

– Мы из милиции, – ответил я. – Скажите, это дача Дубова Глеба Львовича?

– Из милиции? А-а!.. Ну, так бы сразу и сказали. – на худом лице сверкнула улыбка с не по годам белыми зубами. – Не Глебкина эта дача.

– Как? – удивился я. – А чья тогда?

– Родителей его, царство им небесное. А Глеб здесь ни семечка не посадил, ни колышка не вбил. Так... Приезжал покуражиться, то с одной бабенкой, то с другой.

– Так, может, он с женой был? – уточнила Света, все еще надеясь на кристальную порядочность нашего «клиента».

– Да что я, Ленку его не знаю, что ли? Змеюку эту. Нет. То другие девки были. Не такие справные и сочные, как Ленка. Больше на воблу похожи. Худые, как Ротару, смотреть не на что!

– А ты, старый хрыч, все разглядишь! – на заборе повисло еще одно лицо.

Бабуля сначала с любопытством нас осмотрела, а затем отточенным движением залепила деду подзатыльник.

Тот ойкнул, чуть не отвалившись от забора:

– За что? Ильинишна!

– Чтобы на баб не пялился, – проворчала его супружница.

– Так не ходок я уже давно. Кончился, так сказать, запал боевой, что на жизнь отмерен был.

– И слава Богу! – перекрестилась бабуля.

– Так а лупишь меня тогда за что?

– За прошлые твои грешки. Как только еще морковка не отсохла? Столько лет с тобой маялась, хоть теперь душеньку отведу.

Хрясь! – бабуля залепила второй подзатыльник деду, заметив, что тот не сводит глаз со Светы в обтягивающем спортивном костюме.

Дед снова ойкнул и, потирая затылок, наконец, отлип от забора. Подошел к жене и что-то стал бормотать. Из обрывков слышно лишь «что творишь, дура», «перед людьми неудобно», «товарищи из милиции приехали, а ты...»

– Мы к вам зайдем! – крикнул я колоритным пенсионерам. – Сначала Дубовский дом осмотрим, а потом зайдем. Поговорить надо. Можно?

– Конечно, можно, – отозвался дед. – Я пока чайник поставлю.

Мы ступили на низкое шаткое крылечко. Одна из досок недовольно скрипнула, грозя сломаться. Но я не отступил, не поверил доске. Если уж Дубова выдерживала, то меня и подавно сдюжит.

Дверь, обросшая слоями краски цвета застарелого кирпича, впускать нас не собиралась, демонстративно выставив вперед массивный навесной замок.

– Ломать будешь? – спросила Света, оглянувшись в сторону бдительных соседей.

– Попробуем пока так, – сказал я, подняв придверный коврик.

Пусто. Обшарил крыльцо, ключа нигде не оказалось. На перилах стоял одинокий глиняный горшок. С землёй, но без растительности внутри. Стоял в фарфоровой тарелке с золотой каемочкой и отколотым краешком. Я приподнял горшок. Есть! Под ним оказался заветный ключ.

Отпер дверь и вошел внутрь. Света последовала за мной. Пахнуло прохладой, старыми газетами и сырой землей, будто в доме ящики с рассадой держали и при этом еще только что полили.

Единственная комната оказалась просторной, но с низким потолком. Если встать на цыпочки, то можно потолочную балку головой зацепить.

У стены – старый продавленный диван с некогда шикарными кожаными подлокотниками. Рядом вышедшие из моды этажерки, облезлый комод, самодельная полка с бакалейной мелочевкой, у окна круглый стол на изогнутых ножках. В доме чисто, но все потертое, больше на хлам похоже. Так и есть, старая мебель всегда доживала свой век на дачах.

Я осмотрелся. На столе початая бутылка водки. Опустошена примерно на две трети. Порыскал по полкам, обшарил комод. Ничего необычного: жестяная коробка с нитками, подшивка «Крокодила» десятилетней давности, кое-какая домашняя утварь, алюминиевые ложки и вилки, чуть гнутые, явно подрезанные из какой-то столовой. Вернулся к бутылке. Необычная бирюзовая этикетка с желтым текстом: «Водка «Золотое кольцо».

Напиток непростой. Стоит такая раз в три-четыре дороже обычной «Столичной» или «Московской». Подарочный вариант, так сказать. Продавалась она в индивидуальной картонной упаковке. Неплохой у Дубова вкус. Где-то я уже видел такую бутылку... Я задумался. Точно... Вспомнил. У Гоши в ресторане такую подают. Ее я и откушал при нашей последней встрече.

Такое добро – и не допито. Странно... Я нашел какую-то старую коробку и аккуратно, держа кончиками пальцев, положил туда бутылку. Отдам Каткову, пусть на пальчики проверит. Скорее всего, Дубов выпивал не один. Посмотрим, кто к нему в гости хаживал...

– Мрачно здесь, – вздохнула Света... – Неживым пахнет.

– Просто давно не проветривали, – сказал я. – Но я закончил, сейчас еще с соседями поговорим – и в город возвращаться можно.

Мы вышли на воздух. Птички щебечут, теплый ветерок обдувает запахом травы и безмятежности. Красота.

Зашли на участок соседей, оставив коробку с бутылкой в доме Дубова. Прямо на улице под раскидистой яблоней уже накрыт скатеркой с рукодельной вышивкой дощатый стол. Вместо обещанного чайника среди чашек важно возвышался, словно вельможа над челядью, пузатый советский самовар. Отливая серебром, он чинно ждал гостей.

– Проходите, люди добрые, – старик радушно закивал, волоча из дома очередной колченогий табурет. – Попробуйте

чебуреки. Лучше Ильинишны такие никто не печет.

– Спасибо, – Света не спешила садиться. – Неудобно как-то, мы просто вас поспрашиваем.

– Неудобно, когда дети соседские на тебя похожи, и в почтовый ящик гадить тоже неудобно, а у нас так здесь заведено. Пришел гость, будь добр, за стол садись.

– Спасибо, – я сел первым и кивнул Свете, мол, уважь хозяев, диалог проще без галстуков вести.

Та присела на краешек самодельного табурета.

Из дома показалась Илинишна, что несла бутыль с прозрачной жидкостью и стопки.

– А это лишнее, спасибо, конечно – скрестил я руки, опознав самогон. – Мы на службе.

Хозяйка пожала плечами и развернулась, собираясь унести угощение обратно.

– Куда? – встрепенулся дед. – Вертай взад! Я-то не на службе.

– Обойдешься, – огрызнулась бабуля и пошла-таки прочь, что-то ворча себе под нос.

Дед, конечно, не был орлом, но за женой слетал быстро. Выхватил бутыль и, прижав к груди, как ребеночка, помчался назад. Ильинишна потрясла морщинистым кулаком ему вслед, поохала, но пререкаться больше не стала. Села с нами за стол и стала разливать чай.

– Вот я контра! – хлопнул себя по лбу дедок. – Сам не представился и вас не спросил, как величать. Семен, – про-

тянул он мне руку. – Ну, а Ильинишну вы знаете.

– Андрей, – ответил я. – А это Света.

– Стало быть, из милиции вы? – прищурился дед Семен. – убийца ловите, что Глебку сгубил?

– Его самого. Расскажите нам о потерпевшем. Часто он здесь бывал?

– Да на выходных только, и то, чтобы покуражиться, – махнул рукой дед на соседний участок. – Вон, смотри, как все лебедой заросло. Совсем не следил за участком, одни девки в голове, – дед наклонился ко мне и, понизив голос, проговорил. – Но я его не осуждаю. Девки – это лучше, чем лебеда...

Ильинишна зыркнула на мужа, а тот, хихикнув, отодвинулся от нее чуть подальше, на всякий случай.

– Больше никто к нему не приходил?

– Не видел никого, вроде... Хотя нет. Был один типчик. Глаза колючие и рожа такая пренеприятнейшая. Как у бандита с большой дороги.

– Когда? Подробнее описать сможете?

– Когда – не помню. Может, неделю назад, может, две. А описать не смогу точнее. Не разглядел шибко. Он же не баба, чтоб на него глазеть.

– А женщина одна и та же к нему приезжала или разные?

– Почитай как полгода одна и та же, вроде... Кто ж их в одежде-то разберет. Да и свечку я не держал, бабка бы меня зашибла за такое дело.

– Они скандалили, ругались?

– Кричала частенько бабенка, охала, – хитро прищурился Семен. – Но не ругачка это вовсе была...

– Ты слова-то подбирай, похабник старый, – шикнула Иленишна. – С людьми культурными за столом сидишь.

– А я, про между прочим, правду говорю. Как есть. Человеки для того и созданы, чтобы любить друг дружку по-всякому, а в старости только обсуждать да вспоминать остается. У-ух, мать, а помнишь, как мы с тобой в юности в стогу на Ивана Купала...

– Угомонись, – Ильенишна снова отвесила подзатыльник, но Семен был начеку и ловко увернулся от разящего удара, как престарелый мастер шаолинь.

Чаек оказался славный. С мятой, ромашкой и другим каким-то ароматным сеном. Зажаристые, сочные внутри чебуреки так и таяли во рту. Света поначалу надкусывала угощение, оттопырив пальчики, но, распробовав, стала уминать пирожки за обе щеки. Видно, все же она кровей голубых, и мать ее домашней выпечкой не баловала.

Семен между разговорами улучил момент и опустошил стопку. Крякнул, занюхал кусочком ржаного хлеба, но в рот его не отправил. Блюл старинную традицию – после первой не закусывать. Только у нас первую чарку всегда занюхивали. Не всегда хлебом-снедью, при отсутствии оных можно и головой соседа или собственным рукавом, на худой конец.

– Помогите, соседи! – за калиткой возникло зареванное

лицо, женщина в белом платке и перепуганными глазами.

– Что случилось, Настасья? – спросил Семен.

– Васька убьется, боюсь.

– Как – убьется?

– На березу залез, а обратно не может.

– Так пошто он туда, дурень, вскарабкался?

– А я почем знаю?

– Вот дурной у тебя мужик, и как прикажешь нам его доставать?

– Да не мужик это, а кот.

– Тьфу ты, напугала. Мужика же твоего тоже Василием кличут. Где ж ты видела, чтобы коты об землю разбивались? Пушай сидит.

– Так уже с утра там торчит, – всхлипывала Настасья. – Канючит тонким голосом, на помощь зовет. Сердце разрывается, жаль животинку. А Василий мой на рыбалке.

Семен поскреб проседь редкой бороденки:

– Есть у меня лестница, но, боюсь, коротковата будет для березы-то.

Я встал из-за стола:

– Пойдемте посмотрим, как животному помочь.

– Добро, – кивнул Семен. – Я с тобой. Не скучайте дамы, – повернулся он к Свете и к жене. Мы скоро. Скотину спасти надобно. Грех на скормление воронам Ваську оставлять.

Дачный домик, где блажил Васька, оказался через три усадьбы. Вокруг тонкой березки уже собралась ребятня, раз-

рабатовая план спасения.

— А давайте в него картохой пульнем, — предложил рыжий и вихрастый. — Он испугается и слезет.

— Я те ща пульну! — Настасья изловила несостоявшегося живодера за ухо и завела руку по дуговой траектории, придав пацану ускорение, дабы тот поспешил удалиться. — А ну, кыш отсюда! Нечего зенки пялить. Цирк нашли!

Затем посмотрела наверх. В сотый раз покыскала, погрозила кулаком древесной кроне, попрочитала, а потом, опустив глаза к земле, слезно проговорила:

— Что же делать-то? Три часа уже сидит...

— Попробую достать, — я скинул олимпийку, подошел и приобнял березку, пробуя ствол на прочность. Деревцо молодое, но стать тугая. Выдержит. Поплевал на руки и стал карабкаться по стволу.

Вот уже усатая морда тарашится на меня, как пчелы на Винни-пуха. В голове всплыла песенка про тучку. Ствол березки как-то подозрительно подрагивал, становясь все тоньше и тоньше. Добрался я до животины. Кот потертой наружности и с мордой закоренелого пирата (даже глаз прищурен, и что за него так переживала Настасья, разбойник же, сам выкрутится) шипел и урчал на меня и всем своим видом показывал, что коммуникацию со мной налаживать наотрез отказывается.

Я изловчился и подхватил котейку под пузо. Тот прирос к березке четырьмя лапами и никак не хотел отклеиваться.

Потянул за шкуру, но Васька возмутился и куснул ладонь. Черт!

Тогда я попробовал отцепить ему одну лапу, потом другую. Орудовать приходилось одной рукой, второй-то я обхватил ствол. На одних ногах не удержишься, ветки слишком уж тоненькие вокруг росли.

Но полосатый гаденыш совсем не хотел спасаться. Только я отцеплял одну лапу и переходил к следующей, предыдущая уже вонзалась в бересту. Черт... Я быстренько пораскинул мозгами. Даже если я отдеру животное от ствола, спуститься по тонким веточкам в одной руке с Васькой не смогу. Что же делать? Вспомнил, как однажды в детстве веники березовые ломал. Нужно ухватиться за макушку дерева, оттолкнуться от ствола ногами и...

Так и сделал. Дерево молодое, упругое, не сломалось. Изогнулось дугой и плавно, будто на парашюте, спустило меня вниз к земле под восторженные выкрики ребятни и вздохи Настасьи.

– Снимайте скорее питомца, – довольный собой, полетом и подвигом проговорил я, продолжая крепко держать макушку.

Березка только недовольно поскрипывала.

Женщина подбежала, но Васька переместился по дуге чуть выше. Решил испытывать нас до конца.

– Ой! – запричитала Настасья. – А я не достаю.

– Эх, бабы, – укоризненно произнес Семен, засучив рука-

ва. – Что бы вы без нас делали? Давай, Андрей, подсоблю. Придержу березку, а ты прохиндея стягивай.

Дедок уцепился за макушку дерева:

– Все, держу, отпускай.

– Крепко держишь? – на всякий случай поинтересовался я.

– Шибче бабы своей! Отпускай, говорю.

Ну я и отпустил, намереваясь потянуться за котейкой. Переоценил дед Семен свою силушку молодецкую. Посушенные возрастом ладони не удержали березку. Шырш-ш... Скользнула она промеж его пальцев, орошая напоследок дождем из листочков.

Не успел я подхватить макушку, как дерево пращей резко распрямилось.

– Ох, мать! – выдохнул Семен.

– А-а! – взвизгнула Настасья.

– Вот блин, – досадовал я.

– Вжик, – сказала береза, запуская кота ввысь навстречу облакам по баллистической траектории.

На фоне голубого неба ветер трепал Васькины щеки, играя усами и шерсткой. Растопылив лапы, словно белка-летяга, кот отправился навстречу судьбе. Судьбой оказалась похожая береза у соседнего дома. Она гостеприимно распахнула объятия первому летающему в мире коту. Хрусь! И кот закачался на дереве, намертво вцепившись в ствол.

Все раскрыли рты. Не каждый день видишь летающих жи-

вотных. А кот даже орать перестал, будто полет ему понравился.

Я подошел к березе и чесал репу. Придется повторить трюк. Но тут к нам подоспела подмога. Света с Ильинишной. Света быстро оценила обстановку и спросила Настасью:

– Валерьянка есть?

– Нету, – растерянно пробормотала та.

– У меня есть, – сказала Ильинишна. – А кому плохо-то?

– Несите, – улыбнулась Света.

Дальше произошло чудо. Света облила стол березы валерьянкой, забрызгивая дурман-зелье повыше. Пары пошли вверх. Васька принялся. Глаза его заблестели, усы затопорщились, а хвост вытянулся в струну. Он развернулся вниз головой и ловко сбегал вниз по стволу, как заправский акробат. Вот падла. Умеет же!

Я подхватил его внизу и торжественно вручил хозяйке:

– Держите! И на березу его больше не пускайте. Та растерянно развела руками:

– Это не мой кот...

– Как – не ваш? – тут уже я растерялся. – Очень даже ваш. Только он летать умеет.

– Да не мой это, я говорю... Полоски такие же, но у моего шерстка гладенькая и морда ровная, а у этого, как кирпич. И ухо отморожено, а второе будто собаки погрызли. Не кот, а зверь какой-то.

– Так это же Филипповых Тишка, – крикнул кто-то из ре-

бятни. – Ну точно он. Давайте, я его к ним отнесу.

Мальчуган подхватил Тишку и помчался в сторону участка Филипповых. Усадьба недалеко оказалась. Видно было, как мальчишка высунулся над забором перед беленьким домишкой и прокричал:

– Дядя Юра, Дядя Юра! Там вашим Тишкой в волейбол играли!

Глава 4

После спасения кота-летяги вернулись на участок Семена. Попрощались с радушными хозяевами, поблагодарили за угощение и со Светой уселись в машину. Только я завел двигатель, стрелка уровня бензина подозрительно вдруг скатилась на ноль. Вот блин! Как так?

Я точно помнил, что оставалась еще треть бака. Вылез и оглядел «Волгу». Быстро заметил, что лючок бензобака чуть приоткрыт. Твою мать! Бензин слили. Вот паразиты, когда только успели? Пока мы Тишку спасали, кто-то улучил момент и скоммуниздил топливо. Лючок у «Волги», в отличие от беззащитных «Жигулей» старых годов выпуска, запирался на ключ, но замыкал я его через раз, а то и через два. Не было такой привычки, еще с прошлой жизни. Придется вырбатывать, блин...

– Приехали, – сказал я. – У нас бензин украли.

– Вот ироды, – хлопнул себя по костлявым ляжкам дед Семен, который все это, конечно, наблюдал, – ничего святого! Среди бела дня милицию ограбили. Как умудрились-то?

– Сам не пойму, – я недоуменно морщил лоб. – Ведь в баке сеточка должна иметься, чтобы шланг нельзя просунуть было. Как смогли?

– Может, не во всех «Волгах» она есть, – предположила Света, – или проковыряли ее. А где здесь можно бензин ку-

пить теперь?

– Известно где, в Новоульяновске, – ответил Семен. – Чай, бензоколонки на огороде не растут.

– А у соседей если попросить? – предложил я. – Наверняка у кого-то есть машины.

– Те, кто на машинах приезжают – на выходных только будут. А у пенсионеров с машинами не густо. Да и ставить тут их особо негде. Стараются на автобусе на дачу добираться.

– Хреново... Придется и нам на автобусе... И телефона тоже нет в поселке.

– Завтра только пойдет «ЛиАЗ», на сегодняшний уже опоздали вы.

– Вот блин... Найти вора надо и бензин забрать. Кто это мог сделать?

– Так это Егорка Сидоров, наверное, слил, – вмешалась Ильинишна. – Он пакостник тот еще. Всей округе житья не дает. То колеса снимет, то бензин сольет, то огород чужой обчистит. Мы урожай свой собрали, у нас нечего воровать. Единственное, что кабачков нынче уродилась тьма. Кому предлагали, никто не берет, дескать, своих полно. Тогда Семен пустил слух по околотку, что, мол, кабачки в городе принимают в заготконторе по рупь за штуку. На следующий день проснулись, а кабачков нет. Сняли все. Говорят, видели, как Егорка полный прицеп кабачков в город вез, видать, по соседям тоже пошукал. Куда он там их потом девал все – никто не знает, никто же ни в какой конторе его не ждал.

Только приехал из города пустой и злой.

– А как мне его найти этого Егорку?

– Пойдем провожу, – охотно вызвался Семен. – Пора давно с этим прохвостом разобраться.

– Ты-то, старый, куда лезешь? – замахала руками бабуля. – Дорогу покажи, а сам не лезь. Пришибет тебя потом Егорка. Это тебе не просто школьный хулиган.

– Да я таких, как он, на фронте, – Семен воинственно за-тряс морщинистым кулаком. – Одной левой...

– Старый ты уже для фронта, – ворчала Ильинишна, – не лезь поперек милиции в пекло.

– Молчи, женщина, мужик – он не стареет, пока биться может.

– Бить мы никого не собираемся, – поспешил я успокоить Ильинишну. – А вот бензин вернуть и Егорку проучить надо. Не волнуйтесь, я присмотрю за вашим супругом. На фронт его точно не пущу.

Мы с дедком побрели к участку местного воришки. По дороге он мне рассказывал, как самолично под Курском в рукопашную одолел троих фашистов. Из оружия у него лишь саперная лопатка была, а у тех СС-овские кинжалы. В красках так рассказывал. По ролям, с жестами и мимикой, я будто моноспектакль посмотрел.

К концу повествования, правда, фашистов уже почему-то стало пятеро, а у одного даже «Вальтер» оказался. Но Семен все равно всех обезвредил, а сам не получил ни царапинки.

Я кивал и молча восхищался всем выражением своего лица.

– Пришли, – кивнул он на кособокий домишко, сколоченный из разнокалиберных досок, кусков фанеры и прочих ворованных материалов.

Рядом с домишкой – такого же залатанного вида сарай.

– Там он ворованное хранит, – прошептал дед, тыкая узловатым пальцем в строение. – Сколько раз участковому писали, а толку нет. Мол, ущерб незначительный, дело не состряпаешь, вот и повадился Егорка тырить по мелочи у всех, что плохо лежит. Соседи уже плюнули, и никто заявление не пишет. Если что-то пропало, руками разводят только, мол, либо сорока утащила, либо Егорка.

– Уже давно бы собрались с мужиками, – предложил я. – Да проучили бы как следуют воришку.

– Пробовали, – вздохнул Семен, понизив голос. – Да только не вышло ничего.

– Это почему? – спросил я, тихо отпирая калитку.

– А сейчас сам увидишь, – загадочно проговорил дед. – Ты иди, разберись с ним, а я тут постою от греха подальше. Как рожу его наглую увижу, боюсь, не стерплю и в нос дам. А за смертоубийство такого никчемного не хочу потом срок мотать...

– Ну, ладно, жди здесь.

Я вошел на участок. Огородом и не пахло. Бурьян вперемишку с железным хламом, какими-то трубами и досками. Сразу видно, что хозяин промышляет лишь «собира-

тельством», до возделывания земли еще не эволюционировал.

Я постучал в дверь домика и, не дожидаясь ответа, распахнул ее. Войти внутрь не успел. Сзади слышались грузные шаги и грубый голос, будто из пустой бочки, недовольно пробасил:

– Чо надо?

Я обернулся. Ни хрена себе Егорка. Целый Егорище! Теперь понятно, почему у местных не получалось проучить ворешку. Дитина под три аршина ростом в плечах оказался шире дверного проема, в домик свой, наверное, бочком проходил. На носорожьей морде будто прорези – два маленьких глаза и тонкий рот, которого было почти не видно из-за сплошной поросли алкашной щетины. Одарила природа-матушка Егорку статью Добрыни и рожей Квазимодо. С такой фактурой только в кино сниматься.

Только я раскрыл рот сказать, что мол, милиция, стоять, бояться, но меня опередил Семен.

– Егорка! Сукин ты сын! – верещал дед, выглядывая из-за реденького заборчика. – Ты пошто у гостей моих бензин слил? Ты знаешь, кто это? Все, паскудник, отбегался.

Я снова раскрыл рот, чтобы известить Квазимоду о цели моего визита, но тот неожиданно разъярился и, пыхнув застарелым перегаром, рубанул кулачищем с плеча без всякого предупреждения и объявления войны.

Но и сам он на противника посмотреть не успел. Реакция

боксера сработала как часики. Я поднырнул под руку и, выпрямляясь уже чуть в стороне от супостата, выкинул двоечку в челюсть вражине. Хрясь! Хрясь! Все. Сейчас поплывет или сразу рухнет, и тогда можно спокойно обговорить капитуляцию и возврат нашего бензина.

Но не тут-то было. От ударов, получив которые, обычный человек, как минимум, бы ушел в нокдаун, а то и в нокаут, Егорка только еще больше обозлился. Глазки налились кровью, заревел парень белугой и бросился на меня, пытаюсь сгрести в носорожьих объятиях.

Такого я никак не ожидал. Успел только двинуть ему под дых и снова попытаться уйти в сторону. Хрен! Не рассчитал длину «граблей» противника. Они выудили меня даже с дальней дистанции. Подхватили, словно перышко, и швырнули в сторону.

Приземлился я с подстраховочным перекатом, как на самбо учили когда-то. Не впечатал инерцию в землю, а погасил – и цел остался, хотя косточки жалобно хрустнули, но держали.

Однако Егорка не ждал, пока я отдышусь, а уже несся на меня словно буйвол, раздувая ноздри и не переставая реветь. Что за манера такая дикая, в драку с ревом кидаться.

Мой окрик: «Стоять, милиция!» он даже не расслышал, слишком занят был ревом, яростью и обидой на незнакомца, что заехал ему по морде. Возможно, в первый раз в жизни такая оказия с ним приключилась, уверен, что желающих

мало на белом свете по такой устрашающей морде бить.

Я успел вскочить и отпрыгнуть в сторону, уворачиваясь от ног, что пытались втоптать меня в землю. Будто и правда дикий слон буйствовал.

– Помогите! – блажил дед Семен. – Милицию убивают!

Но убить милицию сложно, на то она и милиция. Теперь уже в атаку кинулся я. Шр-ш, шр-ш, – свистели возле моей головы кулачищи. Я, будто в спарринге, методично уворачивался и бил в ответ. Не всегда в цель. У здоровяка-то этого морда больно высоко. Тяжело достать.

Иногда попадал, но это выходило как слону дробина. Черт, нужно радикально менять тактику. Иначе на все двенадцать раундов растянуть можно наше противостояние.

Что ж, друг Егорка, будем играть по-грязному. Я изловчился и двинул стопой снизу вверх прямо по фаберже. Хрясь! Егорка охнул и осел. Стоя на коленях, скрючился, но даже и в таком положении он был выше ростом деда Семена, который, помнится, собирался с ним повоевать. Я примеривался для контрольного в голову, но понял, что это уже лишнее. Тонко подвывая, Егорка рухнул на землю, будто срубленный дуб. Есть! Курсант против Квазимодо, победа в первом раунде.

Наконец, мне удалось откопать в недрах штанов ксиву, я ткнул ее в рожу поверженного и громко проговорил:

– Милиция, мать твою!

Это подействовало магически. «Голиаф» превратился в

смиренного послушника. Заморгал глазками, запричитал:

– Что же вы, гражданин начальник, сразу не говорите, а по причинному месту пинаетесь?

– Так ты мне слова сказать не дал. Ты почему с кулаками на людей кидаешься? За это срок предусмотрен, а за сотрудника милиции – так вдвойне.

– Печенкой клянусь, гражданин начальник. Не знал, что вы из органов доблестных. Подумал, что опять местные пришли морду мне бить.

– И часто тебе местные морду бьют?

– Пока ни разу, но приходили часто... Вы первый, кто мне по кумполу звезданул взаправду. Вот я и, это, осерчал малость.

– Пойдешь за нападение на сотрудника при исполнении, – я хитро прищурился и кивнул на Семена, который уже совсем осмелел и протиснулся в калитку. – Вон, у меня и свидетель имеется.

– Как же! – суетился старик, не переставая кивать. – Все видел, все скажу, как советскую милицию убивали.

Егорка, наконец, смог сесть. Болючий удар его отпустил.

– Да не хотел я никого убивать, – канючил он, будто нашкодивший школьник, – Ей-богу не хотел, где же это видано, чтобы мордобойство с убийством равняли? Я же говорю, не знал...

– Незнание закона не освобождает от ответственности, – Семен наслаждался властью над поверженным врагом.

Глаза Егорки аж задержались, наполняясь слезинками. Вот блин, такой мужик здоровый, а готов расплакаться. И ведь даже не притворяется. Как ребенок...

– Ладно, – снисходительно проговорил я (ставки взвинтил, можно и договариваться). – Так и быть, на первый раз прощу, если бензин нам вернешь и пообещаешь больше у соседей ничего не тырить.

– Какой бензин? – с надеждой засопел детина.

– Который ты с «Волги» белой у меня слил. Ваньку-то мне не валяй. Тут в округе только одна «Волга», на Сливовой улице.

– Да не сливал я ничего, почкой клянусь! Хоть режь, начальник, не сливал я.

– А ты не заливай! – расследование кражи бензина Семен решил взять в свои руки. – Вертай бензин взад, я тебе говорю!

– Да, правда, не брал! Я когда к машине шел, бензин уже слитый оказался. Кто-то до меня успел...

– Шел, значит?

– Шёл, – вздохнул тот.

– Вот ироды, – дедок погрозил кулаком невидимому врагу в сторону соседних улиц.

Вот так поворот... Получается, что в дачном поселке не один воришка. Целая секта свидетелей Егоркиных.

– Тогда с бензином помоги, – проговорил я. – И я забуду казус с нападением на сотрудника.

– Это можно, – осклабился Егорка, – к вечеру приходите, будет бензин.

– Э-э... Ты что удумал? – я погрозил пальцем. – Воровать нельзя. Из своих запасов давай.

Хотя запасы, конечно же, тоже наверняка ворованные, но ради дела благого не побрезгую.

– Нет у меня, – развел «граблями» Егорка. – Все продал... А новых еще не добыл.

– Брешешь! – сверкал глазами Семен.

– Да сами проверьте, – бугай встал и направился к сараю-ге. Откинул воротину, приглашая внутрь. Оттуда пахло пылью, паутиной и машинным маслом. Валялись какие-то заржавевшие агрегаты, явно колхозного происхождения, старые ведра, дачные лейки, всё вперемешку с досками и инструментами.

Семен деловито шмыгнул внутрь и как заправский опер на обыске стал шарить по закуткам, отбрасывая в сторону куски фанеры, деревянные и тряпье.

– А это что? – выудил он из недр хлама помятую канистру облезло-болотного цвета.

– А хрен знает! – почесал репу Егорка. – Я эту канистру давно потерял. Завалило ее всячиной.

Семен, кряхтя, открыл пробку и понюхал:

– Бензин! Ну точно он!

– Отлично, – я потирал руки. – Канистру мы у тебя изымаем, в интересах государства, так сказать. А ты больше не

балуи и на людей с кулаками не кидайся. Тебе повезло, что я сегодня добрый.

– Слушаюсь, гражданин начальник, – обрадовался Егорка, что так легко отделался. – Забирайте канистру.

Семен с гордым видом добытчика подхватил железную посудину и поволок к выходу. Я последовал за ним.

Через пять минут мы уже стояли у моей машины. Света и Ильинишна крутились рядом, лузгая семечки и обсуждая рецепт пирожков.

– Ты бензин нашел? – радостно всплеснула руками бабуля.

– Не нашел, а у Егорки отнял, – гордо заявил дедок. – В морду пришлось дать.

– Ты? В морду? Егорке? – кривилась улыбкой Ильинишна.

– Андрей помог, – отмахнулся дед. – Не трюнди под руку, не видишь, топливо заливаю.

Семен открутил пробку и опрокинул канистру горловиной в лючок.

Я хотел сам проделать такую «важную» операцию, но дед мне не дал. Все правильно, раз он добыл топливо, значит, он и должен его заливать. Спаситель и добытчик. Пары принесли необычный маслянистый аромат. Станный бензин.

– Погоди! – я положил руку на канистру. – Дай мне!

– Поздно, товарищ милиционер. Усе в порядке, топливо в баке, – просиял дед.

Я взял пустую канистру и понюхал. Нос снова защекотал

характерный запах, который теперь уж точно было ни с чем не спутать.

– Японская матрешка! – выругался я, стараясь поделикатнее, но с чувством и толком. – Так это же солярка! Семен, ты куда глядел?

– Как солярка? – хлопал тот глазенками и на всякий случай поглядывал на жену, что сердито уперла руки в бока.

– На, сам понюхай, – расстроенный, я протянул ему канистру.

– Да нюхал я, – отступил тот.

– Так какого лешего ты залил солярку?

– А я знаю, как она пахнет, что ли? По мне, что бензин, что солярка – мазута и есть мазута. Я в топливах не разбираюсь. Не было у меня никогда ни машины, ни мотоцикла. Только «Урал», велик такой...

– Ну все, – махнул я рукой. – Приплыли...

– Так, может, на солярке доедете? – с надеждой спросил Семен. – Тут всего-то километров двадцать.

Я поморщился, а Ильинишна выбрала момент и залепила мужу подзатыльник. Тот даже возмущаться не стал. Чуюл вину, как нагадивший в тапки кот.

– Что делать теперь? – обеспокоенно проговорила Света. – Ведь что-то можно сделать?

– Бак надо осушить, – ответил я. – Хорошо хоть завести не успел, карбюратор не загадил.

– Пойдите! – раздался окрик с конца улицы. – Не лейте!

Я вспомнил! Это солярка!

К нам бежал Егорка, размахивая ручищами.

– Поздно пить «Боржоми», – крикнул я в ответ. – залили уже.

– Фу-ух! – здоровяк подбежал к нам и теперь сопел, выбрасывая остатки перегара. – Не заводили машину?

– Нет.

– Ну тогда не страшно, я помогу. Солью топливо и просушу бак. К завтраму готово будет. Только здесь несподручно... Я ее к себе на участок оттолкаю.

– Подсобить? – спросил Семен виноватым голосом.

– Обойдусь, – отмахнулся Егорка.

По-хорошему, этому здоровяку нужно другое прозвище, которое бы отражало всю его исполинскую беспутную суть.

Вот и сейчас он снял с ручника авто, одну руку просунул через распахнутое окошко, взявшись за руль, а второй уцепился за дверную арку. Навалился и потолкал тяжеленную машину в сторону своего участка, будто это был обычный мотоцикл-одиночка, а не «Волга».

– Ну так что? – оживился Семен. – Стало быть, у нас заночуete?

– Спасибо, не хотим вас стеснять, – подозрительно быстро ответила Света. – Мы можем переночевать в доме Дубова. Вы только нам постельное одолжите, пожалуйста.

– Это можно, – дедок хитро прищурился. – Вам один комплект?

– Два, – ляпнул я, не подумав.

Может, Света бы попросила один. Вот я дурак...

Глава 5

Мы уже знали, что в домике Дубова было хоть и мрачно, но на удивление чисто, так что отправились туда спокойно. Где-то стрекотал сверчок. Света постелила себе на диване, я кинул на пол ватный матрац, который мне любезно одолжила Ильинишна, и так соорудил себе лежанку. Улеглись и погасили свет...

В окошко поскребла веткой старая слива.

– Что там? – встрепенулась Света.

– Это просто дерево... – успокоил я ее.

Встал, распахнул раму и обломил назойливую веточку. Снова лег. Сон не шел... Я уставился в потолок – глаза уже привыкли к темноте, даже трещинки посчитал в известке.

Диван заскрипел, видно, Света тоже еще не спала, ворочалась.

– Как тебе там? – спросила она. – Не жестко?

– Терпимо, – я придал голосу чуть страдальческий оттенок.

Пусть ее хоть маленько совесть помучает, что она на мягком диване лежит (если даже пружины торчат, то их все равно можно худенькой спиной обогнуть), а я на крашенных досках с запахом мокрых тряпок.

– Спокойной ночи.

– Спокойной...

Тишина, даже сверчок заглох. Может, спать пошел, а может, сверчиха домой загнала. Лишь где-то вдалеке одиноко подвывала собака. Я закрыл глаза, стараясь думать почему-то о Соне. Но не получалось. Всегда яркий и живой ее образ сейчас расплывался и никак не хотел залезать ко мне в голову. Ну и ладно...

Из угла послышался шорох. Я повернулся в темноту, приподнявшись на локте. Нихрена не видно. Показалось, наверное. Снова закрыл глаза, шорох повторился. Хр-р, хр-р... Кто-то явно скребся. Или что-то грыз. Вот, блин... Кто там еще?

– Ты слышишь? – затаив дыхание, спросила Света, оказывается, она тоже не спала.

– Слышу, – я взял ботинок и с силой швырнул в угол.

Бум! Обувка припечаталась в стену, прокатилась по полу. Звук затих.

– Кто-то там был? – голос Светы дрогнул.

– Мыши, наверное, – успокоил я.

– Мыши? – Света вскочила и села на диван, поджав ноги. Кажется, я её только больше напугал.

– Ты что, мышек боишься?

– Нет, но... А вдруг это крыса?

– Может, и крыса, – хитро согласился я. – Но ты не волнуйся, они до тебя не доберутся, сначала им придется меня сожрать... Встречу их как надо. – Я потряс вторым ботинком, надеясь, что мою мужественную позу видно в темноте,

а сам поежился.

Как-то не хочется засыпать на полу, если тут рядом шмыгают голодные пасюки. Проснуться с обглоданными ножками – на такое совсем нет желания.

– Слушай, Андрюш, а ты не мог бы переехать ко мне на диван?

– У меня ведь девушка, – улыбался я, но в темноте улыбки не видно.

Впрочем, её вполне должно быть слышно.

– Все тебе шуточки. Ты понял же, почему прошу. Крыс боюсь до ужаса.

Я встал, включил свет. Подобрал ботинок и отнес обратно к дивану (если что, боеприпас для обстрела), вырубил лампочку и лег рядом со Светой, накрывшись своим одеялом.

– Не бойся, – сказал я, услышав ее вздох, – приставать не буду.

– Я знаю, – ответила та. – Иначе не позвала бы.

– Ты с мужиками тоже используешь эти свои штучки?

– Какие?

– Психологические. Сама понимаешь.

– Не попробовала, думаешь, стоит попробовать? – даже в темноте я чувствовал, как Света улыбается.

Интересно, мной манипулируют или я сам дурак?

– Дело твое, но если это можно использовать в угоду себе, почему бы и нет?

– Я подумаю...

– Кстати, а кто тебе букетик подарил?

– А что?

– Да так, ничего... Просто Катков как на иголках сидел.

Извелся весь.

– Так это ты за Алексея беспокоишься?

– Ну а что? Парень он неплохой. Только ранимый слишком. Как Пьеро.

– Спокойной ночи, Буратино.

– Спокойной...

Света отвернулась к стенке, при этом пряди ее «голубых» волос щекотнули меня по носу. Я с наслаждением вдохнул запах ее шампуня и чего-то еще. Сладкого и манящего. Рука сама уже хотела потянуться к соблазнительной выпуклости под одеялом, но перед глазами вдруг возникло что-то рыжее и навязчивое. Блин! Я протер глаза. Это была Соня. Не совсем она, конечно, а ее отчетливый образ в моей совестливой башке. Нормальные мужики другой головой думают, когда дело касается красивых женщин, особенно так маняще пахнущих и лежащих буквально у тебя под боком. А я...

Какого хрена стал таким правильным? Никогда таким ведь не был. Мир не удалось поменять, так себя поменял, что ли?

От этой мысли я совсем охренел. Что если судьба закинула меня не исправлять чужие ошибки, а исправлять свои? Не знаю... Пока что у меня неплохо получается ловить злодеев и спасать жизни их потенциальных жертв. А дальше будем

посмотреть.

Света мирно засопела. Ну вот... Пока размышлял о спасении мира, высоких материях и бренности жизни, мое гаденькое «Я» напрочь лишилось возможности доказать, что оно существует. Дама уснула, так и не дождавшись ухаживаний. Эх, Петров, Казанова из тебя, как с поросся конь. Зато на душе спокойно стало как-то... Аж противно, но спокойно... Я повернулся спиной к Свете и закрыл глаза. Сон, конечно же, не шел. Где-то затерялся в окрестных лесах.

Под окошком раздались шаги. Осторожные такие. Будто кошка крадется. Только кошка грузная, двуногая и в кирзачах тяжелых. Семен, что ли, шастает в ночи? Что старому надо? Думал на представление через оконце посмотреть? Ну так мы его разочаровали. Я разочаровал.

Снаружи что-то полыхнуло заревом, будто хвост жар-птицы мелькнул, отбросив темноту по углам. Что за черт? Я вскочил с дивана и подбежал к окошку. Распахнул его и наполовину вывалился наружу. Твою мать!

– Горим! – крикнул я и рванул к Свете.

Та уже не спала. Похоже, что и не засыпала, а просто притворялась от неловкости. Слишком быстро она проснулась, вскочила и кинулась одеваться.

Я подхватил коробку с вещдочной бутылкой водки, попробовал натянуть штаны, но с коробушкой в руках никак не получалось. Плюнул, положил ее на пол, быстро оделся. Света уже тянула меня за руку прочь из домика. Я еле успел под-

хватить коробку, внутри которой трепыхалась бутылка. Билась о стенки и пыталась выскочить. Вот дурочка, сгинешь же. Только о стенки так не бейся! Пальчики на себе сохрани.

Мы выскочили на улицу. Ночь рассыпала звезды над мирным дачным поселком, посреди которого полыхал хищным пламенем несчастный домишко Дубова. Ненадолго пережил хозяина. Жаль.

То, что строение скоро сгинет – сомнений нет. Вся боковая стена полыхает. Вон как голодное пламя с треском и шипением лижет сухие доски и уже подбирается к крыше.

– Нас подожгли? – Света так и держала мою руку.

– Похоже на то, – процедил я, вглядываясь в темноту, но ни одной двуногой «крысы» поблизости не видно. – Стена облита горючей смесью. Судя по очагу возгорания – полыхнула сразу и на большой площади.

– Домик облили бензином? Это хочешь сказать? – Света сжала мои пальцы до хруста, я расцепил ее руку и прижал девушку к себе, будто пытаюсь согреть.

Хотя очень скоро от жара с нас полился пот.

– Или чем-то подобным, – как мог спокойно ответил я.

– Нас хотели убить?

– Надеюсь, что нет, иначе бы дверь подперли снаружи.

Скорее всего, поджигатель не знал, что в доме люди...

– Но кто это может быть? Кому надо сжигать полузаброшенную дачу. Я ничего не понимаю.

– Если мы это выясним, возможно, мы раскроем и убий-

ство Дубова...

– Караул! Горим! – блажил дед Семен, он, оказывается, неся к нам с деревянной шайкой, болтая трусами-парашютами как колоколом на тонких ногах.

– Чего встали? – прокричал он, пробегая мимо нас. – За водой давайте!

Бесстрашный огнеборец в экипировке из майки-алкоголички и седой поросли на груди уже почти добежал до огня, как вдруг неожиданно споткнулся и, теряя тапки, с криками, обращенными к каким-то непутевым девкам и к их матерям, зарюхался мордой в лебеду, опрокинув на себя лохань.

Мы со Светой кинулись к нему и помогли подняться.

– Едрить меня в дышло! – выдохнул дед. – Скорее в баню, там еще вода есть.

– Ага, – кивнул я. – Сколько? Два ковша да два таза? Дом не спасти, поверь мне, Семен. Я много пожаров видел.

Мне действительно в прошлой жизни частенько приходилось выезжать по дежурным суткам на еще дымящиеся пепелища с неопознанными трупами. Всякого насмотрелся. Опознать таких найденышей трудно. Конечности, как правило, сгорают дотла. Голова наполовину, превращаясь в уголек. По таким останкам до появления ДНК-экспертизы вообще было невозможно установить личность. Все основывалось на предположениях и опросах родственников и соседей. И потому после похорон случались казусы. Какой-нибудь гражданин, бывало, спустя через несколько дней после пожара воз-

вращался домой после затяжной рыбалки, а соседи от него бежали как от черта. Потом он узнавал, что похоронен уже третий день как, и не один, а вместе с супругой, в объятиях которой его и нашли сгоревшим. Мы, естественно, после такого открытия проверяем список без вести пропавших – и, конечно, находим заявление об исчезновении какого-нибудь Иванова Ивана Ивановича, что состоял в служебной связи (хотя, теперь получается, не только в служебной) с его покойной женой. С одной стороны, повезло мужику, что на рыбалке был, а с другой, его самого пожалуй хочется...

Тем временем поселок ожил. Из домов повыскакивал народ в простынно-белых одеждах. Все, конечно, с ведрами и с тазами. К нам кинулись, но толку уже мало. Полыхал домик пламенем таким, что на несколько шагов не подойти.

– Ой, беда! Беда! – причитал Семен. – А ты что такой спокойный? – вдруг старик с подозрением уставился он на меня. – Будто сам подпалил?

– Ну да, сам бензин у себя слил, сам хату подпалил... А спокойный я, потому что уже ничего не вернешь. Строение не спасти. И голова у меня другим занята – как гада этого найти. Наверняка он даже может быть среди всех этих людей. Пришел, для виду побегал, посуетился. Плеснул пару раз из чайной ложки и стоит злорадствует.

– Какого гада? – не понял дубовский сосед.

– Ну, не от кары же небесной запыхало? Кто-то руку приложил, – веско пояснил я.

– Да ты что, Андрей? – хлопнул себя по голым ляжкам дед. – Думаешь, кто-то из наших? – Семен с тревогой обвел взглядом суетившийся возле нас разношерстный люд в калошах, сапогах, а то просто босопятых.

– Нет, блин, из Парижу примчались дачку жечь.

– Тогда внимательнее смотри, Андрюша. Внимательнее... Излови ирода.

– Да, смотрю я, Семен, аж в глазах слезится. Хотя его, может, и нет здесь...

– Все-таки из Парижу, значит?

– Нет, из Новоульяновска, например... Но я это выясню. Обещаю. Сегодняшний пожар – этому подтверждение. Можешь все дачникам так и сказать, что, дескать, милиция уже на след напала.

Пожар – дело страшное, но сосед уже явно начал получать удовольствие от того, что оказался в самом эпицентре такого события.

– Скажу, я обязательно скажу. – Семен умчался вздыхать и причитать к соседней группе огнеборцев, раз больше ничего не поделаешь.

Телефонов, чтобы вызвать пожарных, в дачном поселке не было.

– Зачем ты это сказал Семену? – нахмурилась Света. – Что мы на след напали? Преступник может залечь на дно.

– Что-то мне подсказывает, что он, наоборот, дров наломает с перепугу. Если, конечно, Семен пустит нужные слухи

– и они до него дойдут.

– В том, что пустит, – кивнула Света, – нисколько не сомневаюсь. А вот что дойдут...

– Попытка не пытка, нам пока только ждать остается.

Домик героически догорал еще несколько часов. Мы были заняты тем, что для предосторожности раскурочили ближайшие пролеты заборов и оттащили подальше, чтобы огонь не перекинулся на соседние домишки, а мирно увяз в лебеде и глине с навозом.

Утром, наконец, приехал дачный автобус и увез нас в город. Я сделал сообщение в дежурку о поджоге, проконтролировал, чтобы его зарегистрировали, тогда точно группу направят. Пусть-ка местные порасследуют. Пока поджог мы всё равно не можем связать с убийством.

Потом быстро отловил Погодина. Он взял служебку, и мы вернулись в дачный поселок с канистрой бензина. Я всю дорогу ерзал на чуть продавленном сиденье. Надеюсь, мою ласточку не сожгли, пока меня не было, и колеса не стырили. Но опасения оказались напрасны. Егорка сдержал слово. Все сделал на совесть, и даже помыл машину из лейки.

– Спасибо тебе, Егор, – я протянул ему руку.

Тот аккуратно ее пожал, будто хрустальную:

– Гражданин начальник, мы в расчете? Заявления на меня писать не будете?

– Не буду, только ты бы в город лучше перебирался. На работу бы устроился.

– Да я и так скоро в город, – махнул лапищей здоровяк. – Надоело кочаны да лопаты тырить... Там хоть развернуться можно.

– Э-э... Ты смотри, я тебе развернусь.

– Да я не в плане воровства, гражданин начальник. Я ж про работу.

– А-а... Ну это другое дело. Только когда пойдешь устраиваться, побрейся и перегар петрушкой зажуй. А лучше вообще завязывай с выпивкой.

– Это можно, – кивнул Егорка, – петрушки здесь полно...

* * *

– Предлагаю возбудить дело о покушении на сотрудников милиции! – громыхал Горохов. – Совсем охренели! Среди бела дня!

– Ночью это было, Никита Егорович, – пытался я урезонить праведный гнев шефа.

– Да какая разница? Я бы их всех!

Бам! Карандашница на столе следователя подпрыгнула от удара кулака. Бам! От второго – вжалась в угол, грозя свалиться на пол.

– Никита Егорович, – продолжал увещевать я Горохова. – Скорее всего, поджог не связан с покушением на наши жизни.

– Это почему же?

– Дверь была не подперта.

– А может, не успели? Вспугнул, может, кто-то?

– Не исключаю, – закивал я. – Но пока возбуждать по такой статье рано.

– Послушай, Андрей Григорьевич, я правильно понял? Поправь, если что не так. Двое моих сотрудников находились при исполнении в дачном поселке. У них украли бензин. Потом вместо бензина залили солярку. По ошибке якобы. Потом они остались ночевать в пустом домике, который этой же самой ночью подожгли? Я все правильно изложил?

– Так точно, если вкратце, то да.

– Что значит, если вкратце? – у Горохова аж нос покраснел и глаз дернулся. – Я еще чего-то не знаю?

– Ну, там мы еще Тишку спасали и Егорку воспитывали.

– А-а... – смягчился шеф, – ну, детям помогать надо. Так вот... Не верю я в цепочку таких совпадений. Как говорил Брониславский, не верю!

– Станиславский...

– Чего?

– Так говорил Станиславский.

– Да, хоть Милославский, какая разница?

– Согласен, Никита Егорович, но если поджигали именно сотрудников, то злодеи ждут репрессий с нашей стороны.

– И они будут. Я их обещаю.

– А если их не будет, то злоумышленник будет сбит с толку. Значит, что-то пошло не по его плану. Появится шанс,

что в следующем своем ходу он ошибется...

Горохов пододвинул от края стола поближе к себе многострадальную карандашницу. Та радостно блеснула золоченым боком.

– Может, ты и прав, Петров... – задумчиво пробормотал Горохов. – Если хочешь обыграть соперника, надо сбить его с толку. Если противник не может тебя просчитать – то это уже половина победы.

– Это вы хорошо придумали, Никита Егорович, – закивал Катков, конспектируя в свой рабочий блокнот цитаты от Горохова.

– Алеша, – переключился на него шеф. – Что там по пальцам с бутылки водки? Проверил?

Коробку-то мы со Светой все же до города довели, хоть поболтали в наших приключениях основательно.

– Так точно.

– Так, а чего молчишь? Опять в блокнотике чебурашек на планерке рисуешь?

– Это был не чебурашка, Никита Егорович, а олимпийский мишка, просто уши большие получились.

– Да хрен с этими ушами, про пальцы лучше расскажи!

– Странное дело, товарищи, – Катков вдруг принял степенный вид, почувствовав, что все наше внимание переключилось на него, поднял указательный палец вверх и учительским голосом продолжил. – На бутылке обнаружено множество отпечатков, но ни один из них не оставлен Дубовым.

– О как.... – Горохов поскреб макушку. – И сколько же на ней человек наследили?

– Точно не могу сказать, но такое ощущение, что все следы рук оставлены одним человеком. Отпечатки повторяются, да и узоры папиллярные слишком витиеватые. Завитков много. Будто пальцы, что оставили их, родственники между собой, так сказать.

– Ясно, по картотеке-то пальцы проверь.

– Так это ж вручную, жизни не хватит... Нужны конкретные подозреваемые или конкретные имена, чьи дактилокарты в базе имеются.

– Принял... А с пожаром что? Отработали?

– Да... Химики хроматографический анализ прогнали.

– И?

– Пожарный мусор, что изъят из предполагаемого очага возгорания, содержит характерные продукты горения бензина.

– Ясно, спасибо, Алексей... За работу, товарищи!

Глава 6

– Привет, Андрюх! – Погодин выцепил меня в коридоре утром, еще до начала планерки. – На веноч скидываться будешь? По рублю собираем.

– Умеешь ты с утра настроение поднять, Федя... я даже боюсь спрашивать, кому веноч.

– Да, не... Там ничего такого. Не наш коллега, но служба причастная. Судмед дядя Леня скончался. Еще вчера... Помнить ты его должен. Маленький юркий такой.

– Вот блин, молодой еще.

– Да какой он молодой, – удивился Погодин. – Лет шестьдесят, не меньше.

– Ну и не старый же, – в моем понимании такой возраст не казался стариковским. – А что с ним случилось?

– Да на лестнице навернулся. Головой об ступеньки.

– Трезвый?

– А ты видел дядю Леню трезвым?

– Нет.

– И я нет... Но, сам знаешь, мужик он понимающий был, всегда органам подсоблял. Когда надо, выводы в заключении писал правильные и самые нужные. Причем бесплатно.

– Ну не совсем бесплатно, насколько я помню, а за нольпашку.

– А бутылка – это не валюта, это подарок. Так что не на-

говаривай на покойного. Много добра он милиции принес благодаря этой своей тяге к бутылкам. Вот и решило руководство УВД скинуться на пару-тройку венков уважаемому человеку, что одно дело с нами делал. Правда, он уже год как на пенсии. Но уважить человека надо.

– Да я только за. Но не знал, что на пенсии, думал, дядя Леня в строю еще. Здоровья вагон было. Помню, как он на коленках ползал на почти на каждом месте происшествия. Возле трупа все обшаривал. Тщательно так все осматривал. Будто каждое дело – его лично касается. Не каждый молодой бы так сумел ползать, как дядя Леня. Стоп... Так ведь это он же ползал и возле Зины...

– Какой Зины?

– Роговой! Какой еще! На месте ее убийства в парке. Я почему и запомнил его тогда, что удивился, что, вроде медик песочком должен уже сыпаться, а коленки артритом не тронуты. Как молодой вприсядку ерзает.

– Ну и что из этого? Не пойму я что-то твоей логики.

– А ты уверен, что он сам споткнулся? А не помог ему кто-нибудь?

– В каком смысле – помог? Убил, что ли?

– Федя, сам подумай. Восмотре места происшествия по Зине Роговой участвовали много людей. Но вот как выходит, трое из них уже мертвы. Дубов, понятой Печенкин и вот теперь судмед дядя Леня.

– Ого, – Погодин присвистнул. – И правда... Какой-то

невезучий состав собрался в тот день на месте происшествия. Но дядю Леню никто не убивал. Есть же заключение Бюро СМЭ.

– А дело у кого?

– Так не возбуждали... Отказной материал. Несчастный случай.

– Материалы где?

– Да хрен знает, скорее всего, у Осинкина. Вечно ему всякие мутные отказные начальство отписывает. Говорят, Сафонов ему за что-то мстит. А тебе зачем?

Многовато для утра получалось новостей и умозаключений, но ковать надо было, пока горячо. Не дай бог, ещё кто...

– Посмотреть я хочу на это самое заключение, – объяснил я Погодину. – Или оно не готово еще? Времени же немного прошло.

– Шутишь. Для своего ветерана дяди Лени СМЭ-шники все по-быстрому сделали. В один день и вскрытие, и заключение сверстали. Это уж как-то само собой. Так что документ в материале должен быть.

– Понял. Скажи Горохову, что я позже буду. Не пойду на планерку. Мне Осинкина на опорном пункте надо изловить с утра пораньше, пока он на участок не умотал.

– А что, так можно?

– Конечно, дядя Петя всегда перед обходом участка утром на опорнике чай пьет.

– Нет, я про то, чтобы не ходить на планерку.

– Нельзя, конечно. Но дело не терпит отлагательств. Все, я убежал.

Вот и знакомая панелька. Вместо жилого первого этажа – помещения ЖЭКа, в вотчине которого и находился участковый опорный пункт.

Я зашел внутрь и увидел знакомую дверь с трафаретной вывеской: «Опорный пункт милиции и профилактики правонарушений». Коротко постучал и шагнул в кабинет.

– О! Андрюх! Какими судьбами? – Осинкин приветливо расплылся в улыбке. – погоди. Закончу с гражданкой, присядь пока.

Участковый оказался не один. Уже в такой ранний час к нему на участок пришла усталая женщина и принесла с собой грустное лицо, опущенные плечи и тяжкие вздохи.

– Дело серьезное, Алевтина Степановна... – нагнетал Осинкин. – Возможно, ваш супруг стал жертвой преступления... Меры нужно принимать срочно. Есть в городском морге пара неопознанных трупов. Вы должны их посмотреть на предмет соответствия, так сказать. Морг уже открыт. Предлагаю проехать туда.

– В морг? – выдохнула тетя. – Я не хочу...

– Что значит – не хочу? Алевтина Степановна, надо... Это ваш долг перед мужем, опознать его, и перед государством долг, чтобы не повести следствие по ложному пути. Только предупредить хочу. Один труп после ДТП, он не совсем це-

лый, и опознавать придется по родинкам и другим интимным местам. Сможете?

– Но я боюсь мертвых! – тетя схватила за сердце. – Петр Валерьевич, может, пока не будем писать заявление о пропаже моего мужа? Повременим с опознанием?

– Как же так? Человек пропал, а вам все равно? Супруг ведь все-таки законный. В нашей стране мужьями разбрасываться не принято, или я про вас что-то не знаю?

– Но вы же сами говорили, что у меня три дня еще есть. Можно я потом зайду? Может, Пашка к тому времени сам вернется...

– Ну, хорошо, Алевтина Степановна. Идите домой. Но если передумаете, то приезжайте в городской морг сегодня. В два часа я там заключения забирать буду по отказным материалам. И помните – Павел бы вас в беде не оставил. Первым бы опознавать побежал.

Женщина охнула и, подхватив сумочку, пулей рванула из кабинета.

– Дядь Петь, – недоумевал я. – Это что сейчас было?

– Да достала она меня, Андрюх... Каждый день сюда ходит, жалуется. То соседи громко кричат, то мусор кто-то не там вывалил, то в подъезде пьяный спит, то еще какую-нибудь ерунду заявляет. А сейчас сказала, что муж пропал. Вот я и решил ее отвадить. Мертвяками припугнул.

– Так, может, он и вправду пропал?

– Кто? Пашка? Ага. Не дожدهшься! Он два раза в месяц

стабильно вот так пропадает. Когда аванс и получка. Проспится потом и домой возвращается. А жена каждый раз буху поднимает. По первости я заявления принимал от нее и в стол складывал, так теперь она смекнула и требует номер регистрации ей показать, что бумажка ее в дежурной части зафиксирована. Ну так и я не дурак, предложил трупы ей посмотреть, чтобы в следующий раз неповадно было. Вроде сработало. По крайней мере, сегодня ее точно не будет... А дальше посмотрим, что-нибудь другое придумаю. А ты чего в такую рань пришел? Случилось чего? Чай будешь? С овсяным печеньем?

– Это можно. Ничего не случилось, я просто хотел глянуть материал по смерти Вострикова дяди Лёни, у тебя же он?

– А-а... – Осинкин горестно закивал. – Спился шельмец, а такая светлая головушка была. Растуды его в качель. Вот что значит, бабы рядом не было. Некому ему было горло широкое перевязать, чтобы водку не заливал. Таким мужикам разводиться никак нельзя, это все равно что со Смертью срочку подписать. На, смотри... А что увидеть хошь? Коллеги его все чинно сделали. Заключение подробное...

– Да так, ничего... Просто хочу удостовериться, все-таки дядя Леня уважаемым человеком был, – я листал материал, еще не сшитый, перехваченный канцелярской скрепкой в уголке, с кучей виз на «титульном».

Нашел нужное заключение судебно-медицинской экспертизы. Пробежал глазами выводы. Причина смерти – ЧМТ

затылочной части головы, которое могло быть получено в результате падения с высоты собственного роста. Никакого криминала, вроде, если он сам упал. А если кто-то подтолкнул? Но теперь это хрен докажешь. Свидетелей нет. Упал алкашик в подъезде, эка невидаль. Много таких себе лбы по пьянке расшибают.

– Все нормально, Андрей? – спросил Осинкин, заметив, как я хмурюсь.

– Да... Все в порядке. Заключение я верю. Несчастный случай получается...

– А что, сомнения были?

– Да теперь уже не важно, давай лучше чай пить. Доставай свои обещанные овсяные печеньки. Я смотрю, у тебя новый холодильник? Шикарно живешь. Не у каждого дома такой, а у тебя на опорнике техника дорогущая...

– Ты не подумай, – Дядя Петя с гордостью погладил молочный бок «Бирюсы 5 м», – все по закону. Да у меня самого дома старенький «Саратов» дребезжит, который раз в неделю размораживать приходится. Я бы этого красавца в квартиру забрал, но его на баланс в УВД поставили. Хотя мне его от организации одной уважаемой лично подарили.

– Ого, – присвистнул я. – Расскажи, что за подарок.

– Да там история такая интересная приключилась, только, Андрюха, между нами, лады?

– Могила, дядь Петь.

– Короче, был у меня один внештатник. Студент юрфа-

ка Сема. В милиции мечтает работать. Парень неплохой, но слишком активный, в каждой бочке затычка, ему бы девок щупать да на мотоцикле гонять, а он детективов начитался и задолбал меня своей инициативностью. Все норовит большие дела раскрывать. Лезет куда попало. Я его привлекал к обходу участка, а ему это слишком мелко – алкашей да хулиганов гонять. Ему подавай аферы и крупные хищения. Ну, нет у меня на участке таких, да и не надо... Колеса с машин снимают да белье с веревок тырят. Вот мои основные преступления. А он все облавы да засады мифические планирует и меня пытается втянуть в игры свои. Вот, однажды совсем допек. Но я придумал, как его пыл немного охладить.

Я даже хмыкнул, предвкушая хорошую байку. Все-таки в фантазии Осинкину не откажешь.

– Хочешь, говорю, Сема, в настоящем деле поучаствовать? – продолжал тот. – Банду несунув обезвреживать будем, что «Мясокомбинат» обчищает уже второй год. У того глазенки загорелись, а сам аж задрожал. Наконец, говорит, дело стоящее, дядя Петя, а не разборки семейные улаживать. Надоело, говорит, прозябать в тени межличностных склок и неурядиц. Часто я его в качестве понятого с собой брал на семейные скандалы. Не всем в милиции грабежи и убийства раскрывать положено. Кто-то и профилактикой заниматься должен. А он не понимал этого. Адреналин ему подавай. Ну, так вот... Привез я Сему к «Мясокомбинату» вечером. Солнышко уже в закат собиралось. Небо хмури-

лось и дождик противненький заморосил. Погодка самое то, чтобы охоту у него отбить глупостями всякими заниматься и спустить с небес на землю. К семейным и другим пьяным скандалам. Стой, говорю, Сема, здесь. Ночью в этом самом месте через забор «Мясокомбината» продукцию колбасную и прочий дефицит тырить будут. Информация проверенная, говорю, у меня там на предприятии агент внедренный. Так и сказал – агент. Второй год эту информацию добывал, говорю, наконец, добыл. Ты уж не подведи, Сема, на тебя вся страна смотрит. Понял, отвечает, дядя Петя, а можно мне зонтик хотя бы взять? Дождик уж больно холодный моросит и ветер зябко за ворот задувает, совсем не по-летнему. Никаких зонтиков, ответил я. С зонтиком тебя даже самый слепошарый несун за версту заметит. Вот, встань под деревце и прикинься липкой. Не шевелись и не дыши даже, да в оба смотри. А как мясо тырить начнут, ты рысью к ближайшему телефону-автомату скачи. Звони «02» и сообщи все дежурному. А там и мне передадут оперативно. Так вы, дядя Петя, может, со мной останетесь, спрашивает Сема, мы бы их вместе взяли. Не, говорю я. Мне еще на трубопрокатный завод надо сегодня. Там тоже несуну активизировались. А тут твоя делянка. На тебя сектор оставляю. Верю я в тебя, так что держись, Сема. Ночка длинная и холодная предстоит. В общем, оставил я студентика в дозоре, а сам домой укатил. Картошечки жареной сковородку умял с салцем и зеленым лучком. Пятьдесят грамм для сна накатил, как пола-

гается. Выкурил папиросину и спать лег к жене под теплый бочок. Сладко так провалился сразу в ночь. Часа в четыре утра звонок. Дежурный меня разбудил. Петр Валерьевич, говорит он. Срочно приезжайте. По вашему заданию внештатный сотрудник выследил группу несунов с «Мясокомбината». Среагировал четко, согласно вашим инструкциям. Во время сообщил в дежурную часть, и наряд ППС задержал злоумышленников с поличным, то есть с колбасой, с окороком и мешком сосисок. Я, признаться, чуть на пол не грохнулся. Но сделал вид, что все так и должно быть. Оделся и в управление помчался. А там уже следователь и оперативники задержанных протоколируют по полной. Ну, представь себе картину! Изъятие мясных изделий с понятами – все как надо оформили, а меня дежурный попросил подробный рапорт написать, как я спланировал данное мероприятие и подключил приданные силы. Ну я и написал. А что делать-то было? Не скажу же я им, что все выдумал? В конце концов, место я выбрал правильное и время нужное.

– Везет тому, кто везет, – вставил я.

Осинкин довольно кивнул.

– Оказалось, что несунув этих долго поймать не могли, так как в сговоре со сторожем они были. И постоянные недодачи на комбинат вешали. А когда их изловили, руководство «Мясокомбината» вышло на УВД с предложением поощрить меня от их имени ценным подарком. Холодильник мне вручили торжественно. Вот только бухгалтерия поче-

му-то посчитала его собственностью МВД и на баланс быстро поставила. Ну и ладно. Все равно мне здесь холодильник нужен был. Хотя дома бы он, конечно, лучше смотрелся...

– А с внештатником что?

– А ему премию от УВД дали и забрали внештатным сотрудником в уголовный розыск. Сказали, что там такие ушлые парни нужнее. Оно и правильно. Я с расследованием краж банок из погреба и куриц из стайки сам справлюсь. А парень, может, в гору пойдет, прям как я в молодости... Эх...

Глава 7

– Совпадений по дактилоскопической базе нет, – заявил Катков на утренней планерке. – Пальцы, что обнаружены на бутылке водки «Золотое кольцо» на даче Дубова, не совпали ни с кем из проверяемого контингента, что есть в картотеке.

– Досадно, – Горохов в задумчивости зажевал кончик красного галстука в белый горошек, потом опомнился и поспешил его выплюнуть. – Какие мысли, товарищи?

– Никита Егорович, – я встал для пушей значимости. – Важно вот, что. Трое человек, что принимали участие в осмотре места происшествия почти двухгодичной давности – мертвы. Дубов, понятой Печенкин и судмед Востриков, которого в служебных кругах называли дядя Леня. Уверен, что какая-то связь между их смертями должна быть.

– Ну, пенсионера Вострикова не убили, – отмахнулся Горохов. – Сам говорил, что это несчастный случай.

– Согласен, – кивнул я. – Но как-то странно все это... Я бы проверил одного человека.

Горохов громко, напоказ хмыкнул.

– Дай угадаю... Гошу Индия? Думаешь, он спустя время слетел с катушек и стал убирать всех, кто тогда был на месте убийства его дочери?

– Звучит неправдоподобно, но проверить его не мешало бы. Хотя бы для того, чтобы отместить. Для успокоения, так

сказать.

– И что ты предлагаешь?

– Есть у меня мысль... Встречусь с ним сегодня в «Октябре».

* * *

Полумрак ресторанный зала стелился табачным дымом и завыванием одинокого саксофона. Я сидел на диванчике и потягивал вино. Гоша еле сдерживал улыбку, рад был меня видеть. Что-то лениво рассказывал о последних событиях в городе. Знал бы он, зачем я здесь на самом деле, так бы не радовался.

– Ну ты чего молчишь, Курсант? – ткнул он меня по-свойски плечом, подливая вина в бокал.

Тогда я без лишних объяснений вытащил фотку алкаша Печенкина и положил перед ним на стол:

– Тебе знаком этот человек?

Гоша повертел фото в руках, почесал лоб:

– Морда вроде знакомая, но не помню, где я его видеть мог. А что? В розыске фраер?

– Нет, проехали.

Дзинь! Мы чокнулись. Сегодня Гоша перешел на вино, почему-то изменив излюбленному коньяку. Мы опустошили сначала одну бутылку, потом вторую. Закусили креветками и нарезкой сыра.

– Я в туалет, – Гоша, наконец, встал и направился в противоположную часть зала.

Я проводил его взглядом. Охранник отвернулся, скучающе подпирал белокаменную колонну. Подождав, пока Гоша скроется из виду, я вытащил платок и аккуратно завернул в него Гошин фужер. Сунул в недра пиджака, благо советские костюмы отличались объемом, и посудина из внутреннего кармана совсем не выпирала. Вместо «похищенного» бокала я поставил другой и окропил его дно красными каплями «Киндзмараули». Надеюсь, Гоша не считает бокалы, на этом столе их целое море.

– Что-то ты хмурый какой-то, – он вернулся минут через пять и похлопал меня по плечу. – Проблемы на службе или в семье?

– Да все нормально, – отмахнулся я, а самому как-то не по себе стало, оттого что копаю под старого товарища.

Но мне это надо. Для самоуспокоения...

– Ты, если что – поделись, – Гоша закурил сигарету. – Как батя? Не захотел, смотрю, ко мне возвращаться. Почему? Работенка, вроде, непыльная.

– Да он внештатным корреспондентом в местной газете пока бегает. Говорит, если без косяков и скандалов обойдется, то через пару месяцев в штат его возьмут.

– Твой отец – и без скандалов? – ухмыльнулся Гоша. – Сам-то веришь в это? Таких правдолюбов еще поискать. Не жалуют у нас их.

– Да он, вроде, все понял. Притворился пока идейным писакой под серую массу, – пожал я плечами. – Я и сам ему предлагал к тебе в ресторан вернуться, но он все что-то бормочет про заговоры и катастрофы, которые скоро грянут. В общем, война с ветряными мельницами – это его стезя. Тут ты прав. Такой уж он человек неугомонный...

– Ну почему с ветряными? С системой... Перемелет еще почище жерновов. А что по Дубову? Есть подвижки?

Мне только на руку было, что он заговорил об этом сам.

– Есть кое-что, – я многозначительно кивнул, наблюдая за реакцией Гоши, но у тот и бровью не повел.

– Это хорошо... Понимаю, что служебная тайна, спрашивать больше не буду. Из газет узнаю.

Он покачивал головой под музыку и вообще выглядел довольно расслабленным. Как человек, которому нечего скрывать.

– До газет еще далеко пока, – усмехнулся я, надо же было что-то ответить. – Работаем.

Мы посидели с Гошей еще часик, я не торопился уходить, не то он сразу бы понял, что ради этого вопроса я и пришел. Потом зевнул, сказал, что на работу завтра вставать, и засобирался домой. Мы попрощались. Гоша пожал мне руку, и я направился к выходу.

Спиной еле расслышал его негромкую фразу, брошенную вдогонку:

– Не знаю, зачем тебе бокал, Курсант, но раз так решил

— тебе виднее.

Я сделал вид, что не услышал толком его слов, лишь кивнул в ответ вполоборота, мол, и тебе спокойной ночи, и поспешил на выход.

Вот черт! Что называется, почувствуй себя крысой, которая ест с твоего стола, а потом тебя же и укусит. Ну да ничего, я обязан это проверить.

* * *

На следующий день я с утра пораньше отдал трофейный бокал Каткову. Тот заперся в лаборатории и тщательно его извозюкал дактилоскопическом порошком. Перекопировал выявленные следы на дактилопленку.

— Ну что? — я склонился над экспертом, всматриваясь в витиеватые узоры папиллярных линий.

— Не торопи меня, Андрей, — преисполнившись важностью действия, пыхтел Катков.

Он выудил из своих закромов фотокопии следов, изъятых с бутылки водки «Золотое кольцо», и стал скрупулезно сравнивать их с пальчиками с бокала.

— Он?

Я в нетерпении заглядывал ему через плечо.

— Да подожди ты! Отойди, свет загородил. И вообще, планерка уже началась. Пошли к Горохову, у него в кабинете и посмотрю спокойно. Не могу я, когда ты мне в затылок ды-

шишь!

На планерку мы действительно немного опоздали. Никита Егорович поморщился, по-учительски побарабанил пальцами по столу, но промолчал, глядя, как мы с заговорщическим видом уселись вместе за отдельный стол с непонятными карточками и кусочками дактилопленки.

– Что у вас там? – следователь с интересом на нас уставился.

Катков уже нырнул с лупой в мир следов и словно отрезшился от происходящего.

Не получив ответ от криминалиста, Горохов понимающе промолчал, а я стал ему объяснять, рассказав про вчерашний «улов», благодаря которому удалось раздобыть пальчики Гоши Индия.

Только промолчал, что выловил я эту рыбку чуть ли не с позволения самого Гоши.

– Есть! – воскликнул Катков так, что я вздрогнул, такого возгласа мне никак не хотелось услышать, я бы предпочел разочарованный вздох, что, мол, совпадений нет. – Его пальцы!

Катков торжествующе обвел нас глазами, сняв очки:

– Следы рук на бутылке водки, изъятой с дачи Дубова, и на представленном бокале – оставлены одним человеком.

– Ты уверен? – пробормотал я. – Посмотри внимательнее. Ошибки нет?

– Да куда уже внимательнее? Совпадение по типу и ви-

ду узора, ещё два десятка частных признаков сходятся. Могу еще совпадений нарыть, если надо. Но для категоричного вывода уже и так предостаточно.

– Черт, – еле слышно прошепел я.

Что же ты, Гоша, наделал?

– Это что получается? – оживился Горохов. – Гоша отрицает свои контакты с Дубовым, однако, судя по отпечаткам, на даче убитого они совместно распивали спиртное. Со слов вдовы Дубова, ее супруг намеревался прикрыть незаконный бизнес Гоши Индия. Причем Глеб Львович, по неподтвержденным данным, задолжал катале кругленькую сумму и к тому же собирал на него компромат. Вот бы еще компромат этот найти – и можно Гошу прижать по полной.

Я многозначительно посмотрел на Каткова, тот тоже украдкой бросил на меня взгляд, мол, может, расскажем о конверте для Щелокова? Но я еле заметно повел головой. Катков вздохнул и опустил глаза. Не хочу я выдавать конвертик Горохову и окончательно топить Гошу.

Нет, даже не в дружбе дело. Внутренняя чуйка не дает пойти на такой шаг. Что-то здесь не то...

– Хотя и без компромата нам хватает улики, чтобы задержать Гошу, – Горохов поднял телефонную трубку. – Арест, возможно, нам не подпишут, но закрыть на трое суток по подозрению в совершении преступления никто не запретит.

Следователь покрутил диск аппарата:

– Алло, Валерий Игоревич? Горохов беспокоит. У себя

сейчас будете? Зайду, разговор есть.

Следователь положил трубку и скривился:

– Не нравится мне этот новый начальник УВД, Сафонов. Вскочка, и пафоса хоть отбавляй. Но без него не справимся. Братъ Гошу с приданными силами будем.

Омоном в провинции и не пахло, поэтому все задержания контингента опасного и авторитетного пока проводились лишь силами уголовного розыска. У Гоши всегда под рукой мордовороты, тут Горохов прав, лучше не рисковать, а сразу обложить и задавить числом. Но лично мне в задержании каталы почему-то не хотелось участвовать. Однако все равно ведь придется. Сам кашу заварил. Каким хреном его пальцы оказались на злополучной бутылке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.